

18+ Алексей Ракитин

Уральский Монстр

Хроника разоблачения
самого таинственного
серийного убийцы
Советского Союза.
Книга I

Алексей Ракитин

**Уральский Монстр. Хроника
разоблачения самого
таинственного серийного убийцы
Советского Союза. Книга I**

«Издательские решения»

Ракитин А.

Уральский Монстр. Хроника разоблачения самого таинственного серийного убийцы Советского Союза. Книга I / А. Ракитин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-590637-3

Документальное исследование «Уральский Монстр. Хроника разоблачения самого таинственного серийного убийцы Советского Союза» (в двух книгах) посвящено реальной, но совершенно неизвестной ныне истории похищений и убийств малолетних детей в Свердловске в 1938—1939 гг. Автор тщательно анализирует ход следствия на всём его протяжении, вскрывает огрехи и недоработки правоохранительных органов и предлагает читателю свою версию таинственных событий, заметно отличающуюся от официальной.

ISBN 978-5-00-590637-3

© Ракитин А.
© Издательские решения

Содержание

Книга I. Июль 1938 г. – сентябрь 1939 г.	6
Глава I. Предвестие кошмара: убийство на Первомайской	7
Глава II. У Дмитриева стопроцентная раскрываемость!	31
Глава III. Раз, два, три, четыре, пять! Иду тебя искать...	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Уральский Монстр Хроника разоблачения самого таинственного серийного убийцы Советского Союза. Книга I

Алексей Ракитин

© Алексей Ракитин, 2022

ISBN 978-5-0059-0637-3 (т. 1)

ISBN 978-5-0059-0633-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга I. Июль 1938 г. – сентябрь 1939 г.

Иногда складываются ситуации, в которые лучше не попадать.

Порой встречаются люди, с которыми лучше не иметь дела.

А есть истории, которые лучше никогда не рассказывать. Но они рассказывают себя сами.

История похищений и убийств маленьких детей, случившаяся в Свердловске в 1938—1939 гг., как раз из таких. Она застрянет в голове, как ржавый гвоздь в кровельном железе, она будет приходить на ум долгие недели и месяцы, лишая покоя и бередя душу своими загадками и умолчаниями.

Эта книга не сделает читателя счастливым, напротив – она убьет его время, высушит разум и заставит страдать. И потому вечно спешащему человеку, отягощенному суетой и бытом, лучше даже не начинать чтение. Поскольку перелистнув эту страницу, вы уже не остановитесь.

Эта история себя расскажет...

Глава I. Предвестие кошмара: убийство на Первомайской

Герда Грибанова исчезла вечером 12 июля 1938 г. прямо из двора дома №19 по улице Первомайской города Свердловска, в котором проживала. Душным июльским вечером подвижная и самостоятельная девочка – а ей только месяца не хватало до полных 4 лет – играла у крыльца, забегая время от времени в дом попить воды или взять другую игрушку. Её старшая сестра Ираида, 5 лет, чувствовала себя неважно после удаления зуба и лежала с температурой в кровати, так что компании у Герды в тот вечер не было.

Девочки хватился дед, Михаил Андреевич Грибанов, и произошло это примерно в 21:20. Тревоги он не поднял, а поначалу принялся за поиски внучки в одиночку – этот нюанс, кстати, сильно насторожил в последующем правоохранительные органы.

Дом №19 по улице Первомайской представлял из себя Г-образную постройку, составленную фактически из двух деревянных зданий – одно- и полуторазэтажного. Последнее имело высокий чердак, заставленный имуществом, вынесенным жильцами снизу. В одноэтажной части дома, имевшей площадь 147 кв. м, проживали, согласно данным паспортного стола, 18 человек, в полуторазэтажной на площади 110 кв. м – 15. Во дворе располагался небольшой флигель площадью 22 кв. м, там были прописаны еще 3 жильца. Как видим, по одному адресу фактически находились 3 постройки, в которых проживали 14 семей (36 человек). Помимо упомянутых зданий вглубь квартала широкой лентой уходил большой сад с огородом и мелкие надворные постройки: дровяной сарай, уборная, пустовавшая в то время конюшня. Скажем прямо, там было где потеряться. Как Михаил Андреевич искал пропавшую внучку, сказать затруднительно, вполне возможно, что он принялся за поиски много позже того времени, на котором впоследствии настаивал. Родители девочки – Пётр Михайлович и Варвара Степановна Грибановы – в тот день около 19 часов вечера отправились в театр, так что они не могли ни подтвердить, ни опровергнуть его слова. По возвращении после полуночи из театра, примерно в 00:20 13 июля, они увидели деда стоящим перед домом и разговаривающим с одним из соседей. Михаил Андреевич сказал сыну об исчезновении Герды, и именно это время следует считать достоверно установленным моментом начала поисков.

Карта г. Свердловска 1947 г. (городская и Сталинского района). Точка «I» – место проживания в 1938 г. семьи Грибановых в д.19 по ул. Первомайской.

Пётр Грибанов в поисках дочери метался по двору, саду и улице до 03:30. Отдохнув немного, он продолжил поиски; в утренних сумерках отец ещё раз тщательно осмотрел сад и,

не найдя ничего подозрительного, направился во 2-е отделение Рабоче-Крестьянской милиции (РКМ) с твердым намерением подать заявление об исчезновении дочери. Правда, во 2-м отделении заявление от отца принимать не стали, но направили в детскую дежурную комнату, где Грибанова выслушали и пообещали зарегистрировать его обращение.

Запомним, кстати, эту весьма необычную любезность свердловских милиционеров и не станем раньше времени восхищаться их деликатностью и готовностью помочь чужой беде. Как выяснилось позже, никто ничего в детской комнате милиции регистрировать тогда не стал и разговоры об исчезновении девочки так и остались разговорами. Как увидим из дальнейшего, доблестная советская милиция к сообщениям об исчезновении детей относилась весьма равнодушно и начинала изображать лихорадочную деятельность только после обнаружения трупов. Отказ гражданам в регистрации их обращений являлся одним из самых эффективных способов фабрикации положительной статистики. История эта, увы, типична для советской поры. Не особенно помогло Петру Грибанову в этой ситуации и то обстоятельство, что он имел некоторое отношение к органам внутренних дел – работал прорабом 5-го стройучастка Стройотдела АХО свердловского Управления НКВД, и хотя фуражки с малиновым околышем не носил, всё же до некоторой степени являлся для милиционеров «своим» человеком. Да и знакомства имел кое-какие.

В общем, Петра Грибанова выслушали, пообещали «отработать» его заявление, но на самом деле никто ничего делать в те дни не стал.

Как показывает мировая практика, поиск похищенных детей наиболее эффективен в первые 24 часа с момента их исчезновения. Тому есть несколько причин, и важнейшие из них – свежесть следов на месте похищения и яркость воспоминаний возможных свидетелей. Но, как известно, мировой опыт советским правоохранителям не писан, поэтому они в большинстве случаев первые трое суток с момента исчезновения человека вообще игнорировали всякие обращения родственников, да и в последующем не особенно активничали.

В данном случае произошло то же, что и обычно, то есть ничего. Никто из милицейских руководителей не послал кинолога с собакой к дому, никто не озаботился опросом соседей.

После посещения милиции Петр Грибанов помчался на работу, ибо начинающийся день был рабочим, средой. (Правда, в этом месте необходимо сделать небольшое пояснение – во второй половине 1930-х гг. рабочая неделя была не 5-дневной с двумя выходными, как сейчас, а имела график «четыре рабочих дня, пятый – выходной». Причем на разных предприятиях отсчет рабочих дней велся по-разному, поэтому очень часто выходные дни не совпадали даже у членов одной семьи. Эта чехарда немало попортила крови советским людям, которые жаловались на нее во все инстанции от газет и профсоюзов до Политбюро ЦК ВКП (б). В последующем мы по мере необходимости будем особо пояснять, ведется ли речь о выходном дне или рабочем, поскольку для очень многих советских людей той поры суббота и воскресенье являлись рядовыми буднями.)

Руководство, узнав о ночном происшествии, разрешило Петру взять отгул, и тот продолжил поиск дочери. В 09:30 он уже был на вокзале, где расспрашивал людей о 3-летней девочке по имени Герда. В 18 часов валившийся с ног от усталости отец вновь появился на пороге 2-го отделения милиции, рассчитывая уговорить милицейское руководство заняться-таки поисками дочери. Его вежливо выслушали и отправили домой набираться сил.

На следующий день из Свердловска уехал Михаил Андреевич Грибанов, 69-летний дед пропавшей девочки. Жил он в Челябинской области, в селе Черемховое Каслинского района, считался колхозником – хотя какой из него работник в таком-то возрасте? – к сыну в город приезжал раз в год. До этого приезжал в июне 1937 г., теперь вот – в середине июля. С собою в деревню Михаил Андреевич повез Ираиду, старшую внучку, что, в общем-то, понятно: чего ей в городе сидеть летом?

Герду Грибанову утром 16 июля нашел 12-летний Вася Молчанов, проживавший по соседству, в доме №111 по улице Мамина-Сибиряка. Вместе с другом он зашел во двор дома №115, который имел сад, граничивший с садом дома №19 по Первомайской. Мальчишки, по-видимому, намеревались провести ревизию соседских огородов. Впрочем, намерения их сейчас не имеют ни малейшего значения, важно лишь то, что они проникли в сад дома №19 и Вася полез в густые кусты черёмухи. А там на земле он увидел прикрытый лопухами и одеждой труп голой девочки... Это была Герда.

Место обнаружения трупа Герды Грибановой, вид из двора в сторону надворных построек. Фотография сделана поздней осенью 1939 г спустя почти полтора года со времени совершения преступления. Сложно сказать, насколько правильно фотограф выбрал точку съёмки, поскольку визуальнo от кустов черёмухи до построек гораздо ближе, нежели это указано в рапорте. Скорее всего, фотограф знал, что надлежит фотографировать, но небрежность была допущена при составлении рапорта летом 1938 г.

Сообщение об обнаружении мёртвого ребенка поступило в милицию в 12 часов. Осмотр места проводил оперуполномоченный Неволин. Согласно его рапорту на имя начальника 2-го отделения РКМ Суворова расстояние от кустов черемухи до дома №19 по Первомайской составляло от 80 до 100 м. Тело убитой девочки было покрыто детским пальтишком коричневого цвета и замаскировано листьями лопуха. Под пальто оказались детали одежды жертвы – бюстгальтер малого размера, трусики, платье, детские чулки. Возле головы трупа стояли хромовые детские ботиночки. Но отнюдь не эта «инсталляция» из одежды и обуви жертвы оказалась самой отвратительной и пугающей находкой. С левой стороны детского трупики убийца уложил отрезанные части тела – правую руку и часть правой ноги от колена вниз. Тело находилось в положении «лицом вниз» и когда его перевернули, стало ясно, что оно сильно изуродовано ударами ножа.

О находке детского трупа стало быстро известно окрестным жителям, а поскольку события разворачивались в середине дня, то за действиями милиции следило несколько десятков

человек. Как стало известно два года спустя, среди зевак находился и убийца, внимательно наблюдавший за тем, как носилки с останками были погружены в автобус и увезены в морг 1-й городской больницы. О потребности убийц возвращаться к месту совершения преступления известно давно, и потому полицейские во многих странах мира переписывают фамилии любителей тарачиться на кровь и трупы, причём записывают всех, стоящих в толпе, никому не дают уйти, но советская милиция такими премудростями себя не утруждала, а потому имя изувера ни в какие оперативные документы не попало. Преступник, находившийся в толпе зевак, не привлёк к себе ни малейшего внимания, и то, что он остался не узнан и не замечен, с неизбежностью обещало продолжение кошмара.

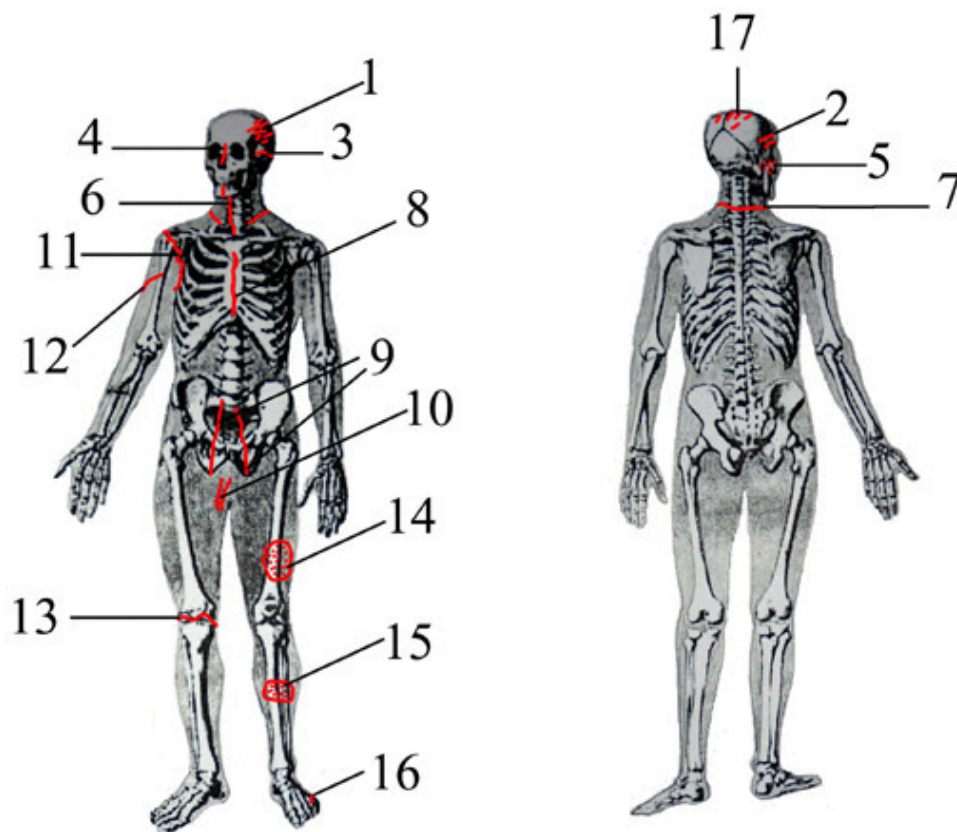
Судебно-медицинское исследование трупа Герды Грибановой было проведено на следующий день после обнаружения, т.е. 17 июля. С содержанием этого документа, не очень приятного для чтения, но совершенно необходимого для правильного понимания случившегося, следует ознакомиться самым внимательным образом. На страницах этой книги судебно-медицинские документы будут цитироваться и комментироваться не раз – это специфика жанра документальной криминалистической реконструкции. Понимание особенностей травмирования жертв способно многое сообщить о преступнике и преступлении, кроме того, позволит лучше понять логику действий следственных работников, увидеть их ошибки и успехи. В общем, медицинские документы являются совершенно неотъемлемой частью повествования, без которой изложение этой истории будет страдать очевидной неполнотой.

Итак, что же показало судебно-медицинское исследование трупа Герды Грибановой? Эксперт Сизова при описании состояния тела обратила внимание на следующие значимые детали: волосистая часть головы густо выпачкана кровью, цвет трупных пятен «фиолетово – грязный», располагались они на задней поверхности и боковых сторонах туловища. Это означало, что в течение первых 12 часов с момента смерти тело девочки находилось в положении «лежа на спине». Трупное окоченение полностью разрешилось (окончилось), что до известной степени указывало на давность убийства не менее двух суток. Эксперт обнаружила, что «заднепроходное отверстие широко зияет и свободно пропускает два пальца в перчатках». Упоминание перчаток в данном контексте неслучайно: дело в том, что тогда не существовало тонких латексных перчаток и патологоанатомы в своей работе использовали перчатки из толстой и грубой резины. То, что ректальное отверстие оказалось сильно расширенным, причем без разрывов прямой кишки, наводило на мысль о половом акте, совершенном с трупом. Не менее важным оказалось и другое наблюдение эксперта Сизовой: «отверстие во влагалище пропускает конец мизинца». Это означало, что погибшая девочка не подвергалась изнасилованию в традиционной форме. На коже подошв отмечена мацерация («банная кожа») – это могло быть следствием пребывания тела либо в воде, либо в избыточно влажном месте, где надолго могла задержаться дождевая вода или роса. Всё тело оказалось покрыто массой мелких червей. Эксперт не разъяснила, идет ли речь о личинках мух или настоящих червях. Между тем эта деталь была бы важна, и чуть ниже нам ещё придется вернуться к этому вопросу.

При внешнем осмотре были выявлены следующие телесные повреждения (см. анатомическую схему):

- на лбу спереди слева четыре резаных раны с ровными расходящимися краями от 0,5 до 2,0 см (позиция 1 на анатомической схеме);
- на правом виске две резаных раны длиной до 6,0 см, расстояние между ними 2,0 см (поз.2);
- у левого уха аналогичная рана длиной 3,0 см (поз.3);
- на носу рана до 6,0 см, по глубине проникающая до остова носа (поз.4);
- в области правого виска обдир кожи с кожным лоскутом до 3,0 см (поз.5);
- резаная рана, переходящая от срединной линии подбородка на шею и верхний край грудной кости (поз.6);

– на шее опоясывающая рана, достигающая позвоночника (поз.7);

Анатомическая схема с указанием телесных повреждений, причиненных Герде Грибановой.

– от верхнего края грудины резаная рана вниз, причем грудная кость разрезана на две части. Края разрезов грудной кости гладкие и ровные (поз.8);

– на передней брюшной стенке две раны, расходящиеся от пупка к правой и левой сторонам паха. Передняя брюшная стенка вскрыта. Кожно-мышечная рана переходит на лобковую область и достигает входа во влагалище (поз.9);

– на правой половой губе две раны длиной 3,0 и 4,0 см (поз.10);

– правая рука в плечевом суставе полностью отделена, края разрезов неровные (поз.11);

– на отрезанной правой руке в верхней трети плеча рана длиной 3,0 см (поз.12);

– часть правой ноги от колена вниз отделена (поз.13);

– на левой голени спереди в средней трети кровоподтек размером 1,0 * 1,5 см (поз.15);

– в нижней трети левого бедра с наружной стороны кровоподтек 2,0 * 2,0 см (поз.14);

– мизинец левой стопы отсутствует. Из текста акта №877, подписанного Сизовой, невозможно понять, идет ли речь о давней ампутации пальца или еще одном ранении, полученном во время фатального для жертвы нападения (поз.16).

При внутреннем осмотре эксперт зафиксировала следующие существенные для следствия детали:

– в теменной области 5 ран, пробивших кости черепа. Именно эти ранения и дали то обильное кровотечение, на которое Сизова обратила внимание при внешнем осмотре;

– правая височная область несколько гиперемирована, то есть наполнена кровью и отечна;

- мозговое вещество желеобразной консистенции грязно-серого цвета. Это наблюдение указывает на степень далеко зашедшего разложения;
- в правой височной области небольшое количество жидкой крови;
- в околосердечной сумке примерно 15 граммов мутной крови, сердце грязно-бурого цвета;
- желудок пуст;
- края заднепроходного отверстия растянуты и гладкие, без трещин;
- девственная плева выражена в форме валика, повреждена вследствие ранения половых органов.

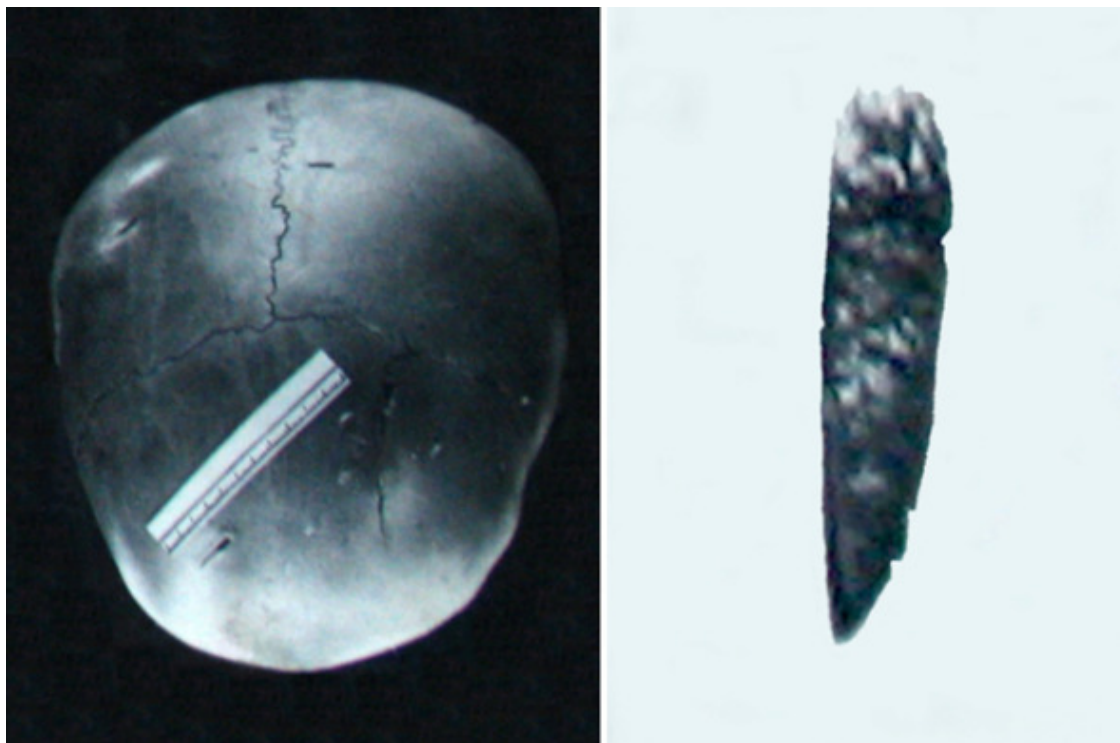
После проведения внутреннего осмотра крышка черепа, грудная кость, влагалище, прямая кишка с заднепроходным отверстием изъяты.

По мнению Сизовой, причиной смерти явился паралич сердца, вызванный внедрением осколков кости черепа в твердую мозговую оболочку и вещество мозга. Смерть наступила быстро, но не моментально. Сначала преступник нанес удар тупым предметом в правый висок, затем, когда девочка упала, последовали удары ножом в лицо. Убийца использовал нож, имеющий лезвие с односторонней заточкой. Основные повреждения причинены посмертно. Половой акт в традиционной форме не мог иметь места, однако состояние заднепроходного отверстия и прямой кишки указывает на возможность полового акта в посмертном состоянии.

Последующее исследование мазков, взятых из влагалища и прямой кишки, не привело к обнаружению сперматозоидов. Строго говоря, это ничего не доказывало и не опровергало – презервативы в Свердловске того времени свободно продавались, и это, кстати, зафиксировано в материалах расследования.

К сожалению, эксперт в своем заключении не указала на несоответствие трупных пятен тому положению тела, в котором оно было найдено. Сначала (не менее 12 часов с момента наступления смерти) труп находился в положении «лежа на спине», но затем кто-то его перевернул. Также не последовало разъяснений со стороны эксперта относительно червей, обнаруженных на теле во множестве. Личинки мух и настоящие земляные черви отличаются друг от друга и развиваются в различных условиях: для первых нужен приток воздуха, для вторых – нет. Поэтому если судмедэксперт действительно увидел червей, то можно было заподозрить закапывание тела. Последнее, кстати, хорошо согласовывалось с обнаруженной мацерацией, наличие которой Сизова тоже никак не прокомментировала (впрочем, для полноты картины заметим, что мацерация могла образоваться и при нахождении тела под листьями лопуха в условиях сырости и отсутствия циркуляции воздуха).

Через неделю, изучая в лаборатории изъятые в ходе экспертизы биологические объекты, Сизова сделала чрезвычайно важное открытие – она обнаружила, что в крышке черепа находится... отломанный в момент нанесения удара кончик ножа! Он до такой степени крепко сидел в кости, что был почти незаметен и догадаться о его присутствии можно было лишь при тщательном ощупывании. Быстро достать драгоценную улику не удалось, и судмедэксперту Сизовой пришлось изрядно попотеть, чтобы ее извлечь с минимальными повреждениями черепной крышки, которая также являлась важной уликой.

Обломанный кончик ножа, которым убийца наносил удары в теменную часть черепа Герды Грибановой, был обнаружен совершенно случайно. Судмедэксперт Сизова, проводившая вскрытие тела, его банально не заметила, но её заинтересовал череп, как потенциальный экспонат музея судебно-медицинской экспертизы, который как раз в конце 1930-х гг. стал создаваться в Свердловске руководителем Лаборатории СМЭ Урусовым. Сизова отпилила крышку черепа и оставила его у себя для последующей обработки. Прошла почти неделя – точнее, 6 дней – пока у судмедэксперта дошли до будущего экспоната руки. Герду Грибанову, кстати, за это время уже успели похоронить... Очищая внутреннюю поверхность черепа, судмедэксперт к своему немалому удивлению нащупала пальцем кончик ножа, застрявший в толще кости. Обломок почти невозможно было увидеть – он весь находился в кости. Извлечь его руками не представлялось возможным, пришлось использовать инструмент и частично разрушить прилегающую кость. Зато следствие обогатилось ценнейшей уликой – теперь обнаружение ножа, которому соответствовал обломанный кончик, гарантированно доказывало причастность подозреваемого к преступлению. Нам ничего неизвестно о размерах обломанной части лезвия, к сожалению, никто из причастных к расследованию лиц не потрудились зафиксировать соответствующие измерения, но кое-какие прикидки на сей счёт сделать можно. Если считать, что обломанное лезвие принадлежало карманному перочинному ножу, то его ширина должна была составлять 8—10 мм. В таком случае длина обломанной части равна приблизительно 45 мм. Хотя в следственных документах этот обломок называется «кончиком ножа», правильнее считать, что лезвие сломалось в середине или даже ближе к своему основанию. Запомним эту деталь – она очень важна в нашем повествовании и пресловутый «обломанный кончик» в последующем ещё будет не раз нами упоминаться.

Прежде чем перейти к изложению процесса розысков убийцы, сделаем небольшую паузу и попытаемся с точки зрения современных представлений оценить картину, зафиксированную документами 1938 г. Это совершенно необходимо для лучшей ориентации читателя в последующем шквале криминалистической и судебно-медицинской информации, ее будет в этой книге много. К сожалению, место обнаружения тела Герды Грибановой никто из сотрудников уголовного розыска не потрудились сфотографировать, хотя теоретически работники следствен-

ных органов в то время уже прекрасно знали о том, что «ложе трупа» является источником весьма ценной информации. Криминалистическая фотография активно развивалась в дореволюционной России, фотолаборатории с качественным специальным оборудованием существовали при отделах сыскной полиции более чем в ста городах империи. Курс криминалистической и судебной фотографии преподавался в школах Рабоче-Крестьянской милиции как один из важнейших профильных предметов уже с начала 1920-х гг. Поэтому нельзя сказать, что сотрудники свердловского уголовного розыска не понимали важности фотографирования. Понимать-то они, может, и понимали, да только не фотографировали... Впрочем, как станет ясно из дальнейшего, такого рода небрежность в работе являлась отнюдь не самой серьезной проблемой советской милиции.

Итак, что же сказать об убийце и совершенном им преступлении, опираясь на данные протокола осмотра места обнаружения трупа и результаты судебно-медицинской экспертизы тела Герды Грибановой?

1) Место обнаружения трупа, по-видимому, не являлось местом убийства. Преступление было очень кровавым. Учитывая, что убийца нанес серьезные прижизненные ранения и отделил конечности, кровопотеря должна была составить около 3/4 литра, это разумная, отнюдь не чрезмерная оценка. В протоколе осмотра места обнаружения трупа ничего не сказано об обнаружении на окружавших тело густых растениях следов крови, а это означает, что их там не было. В пользу этого предположения говорит и уверенность Петра Грибанова, отца девочки, в том, что тела не было в том месте, где его нашли, ни в ночь на 13 июля, ни в тот же день позже (он дважды осматривал эти кусты, в том числе и с собакой). Это означает, что девочка была убита в другом месте – так, кстати, и не найденном органами следствия, – и принесена в кусты черемухи спустя значительное время с момента совершения преступления.

2) Первые 12 часов после убийства (а возможно и дольше) тело Герды Грибановой находилось в положении «лежа на спине», на что однозначно указывает расположение трупных пятен. Впоследствии телу придали другое положение, перевернув его лицом вниз. Возможно, изменение положения связано с переносом трупа из одного места в другое. Какова бы ни была причина подобного изменения, оно означает, что убийца возвращался к трупу. Это наблюдение хорошо согласуется с предположением судмедэксперта Сизовой о посмертном половом акте; убийцы-некрофилы действительно склонны возвращаться к телу жертвы для совершения повторных половых актов и делают это порой не один раз.

3) Чрезмерная жестокость убийцы, выходящая за всякие рациональные границы, свидетельствовала о том, что страдания жертвы являлись для него не средством добиться подчинения, а целью нападения. Его половое возбуждение напрямую было связано с ощущением своего всевластия и причиняемым страданием. Западные криминологи относят таких сексуальных убийц к категории так называемых дестройеров (от англ. *destroyer* – разрушитель), в советской криминологии тех лет их называли «садисты-разрушители». Дестройеры обычно не осуществляют половых актов с жертвами, ограничиваясь причинением тяжких, обезображивающих ранений. Сексуальную разрядку во время нападения они получают посредством мастурбации, коитус, то есть непосредственное совокупление с жертвой, не является целью посягательства. То, что в описанном случае убийца продемонстрировал весьма несхожие модели поведения, характерные как для некрофила, так и убийцы-дестройера, наводит на мысль о действиях двух человек. Хотя один этот довод не может быть признан достаточным для уверенного заключения о вовлеченности в преступление более чем одного человека, тем не менее его следует запомнить; в дальнейшем мы увидим, что подобных намеков в этом деле окажется очень много.

4) Место обнаружения трупа до известной степени представлялось упорядоченным. Тело девочки, предметы её одежды и обувь были прикрыты пальто и замаскированы листьями лопуха. Понятно, что детское пальто не могло иметь большую площадь, а значит, все предметы были расположены очень компактно. Подобная упорядоченность свидетельствует о самооб-

ладании преступника. Интересно то, как были расположены предметы одежды и части тела, поскольку их не просто сбросили на грунт, а разместили в некотором порядке. Ботинки были поставлены у головы трупа слева, чуть ниже, также с левой стороны, если смотреть на тело, убийца поместил отрубленные руку и ногу. Размещение каждого из этих предметов требовало отдельного движения рукой, и то, что все они оказались с левой стороны, наводит на мысль о левшизме преступника. Это не означает, что он левша, скажем менее категорично: перед нами неявное указание на то, что подсознательно этот человек отдавал предпочтение левой руке. Возможно, он переученный левша, в те годы советская школьная программа требовала непременно обучения письму правой рукой. Конечно, можно предположить, что преступник правой рукой укладывал предметы слева от трупа, но такое допущение представляется все же не очень достоверным. Мы видим действия рефлекторные, такие, над которыми убийца вряд ли задумывался. Он оставил труп в таком виде, который казался ему оптимальным в силу каких-то внутренних потребностей, вряд ли осознаваемых. Так что предположение о левшизме убийцы не лишено здравого смысла. На этой детали сейчас тоже следует сделать акцент, поскольку в последующем нам придется к этому вопросу возвратиться с довольно неожиданной стороны.

Итак, каким же образом развивались события после обнаружения трупа пропавшей четырьмя днями ранее девочки?

Опросив жителей дома №19 по улице Первомайской и их ближайших соседей, сотрудники уголовного розыска выяснили, что убитую девочку в последний раз видела Рита Львовна Дымщиц. Ошибка со стороны свидетельницы исключалась, поскольку Дымщиц проживала с Гердой в одном доме и хорошо знала девочку. Видела она ее около 21 часа 12 июля, во вторник. Похищение Герды с большой вероятностью произошло в считанные минуты после этого, поскольку примерно в то же время через ворота во двор дома вошли и вышли несколько человек, да и по улице Первомайской ходили жители района, которых милиционерам удалось опросить. Время исчезновения ребенка и результаты вскрытия трупа – это были те исходные материалы, от которых свердловский уголовный розыск оттолкнулся в расследовании.

Утром 17 июля – в то самое время, пока в морге при 1-й городской больнице производилось вскрытие тела Герды Грибановой – её отец давал первые показания в присутствии сотрудников 1-го отделения Отдела уголовного розыска Управления Рабоче-Крестьянской красной милиции (УРО УРКМ). Пётр Михайлович подробно рассказал оперативникам о событиях 12 июля – последнего дня жизни его младшей дочери. Днём он, его отец Михаил Андреевич и обе дочери – Ираида и Герда – ходили в цирк, а вечером Пётр вместе с женой отправился в Театр музыкальной комедии имени Луначарского. Супруги ушли из дома около 19 часов, а вернулись в 00:20, то есть в то время, когда Герда уже исчезла и дед самостоятельно вел ее поиски.

Показания звучали довольно тривиально до тех пор, пока прораба не спросили о его врагах и подозрениях. Тут Пётр Михайлович оживился и выдал очень интересную информацию. По его словам, в похищении и убийстве дочери он подозревал своих соседей по дому, неких Леонтьева и Ляйцева, ранее судимых и имевших прежде с Грибановым конфликт. Тут самое время заметить, что и Петр Грибанов тоже был не без грешка по криминальной части – в 1925 г., то есть в возрасте 19 лет, он был осужден на 3 года условно по обвинению в неумышленном поджоге дома соседа в родном селе Черемхове. Правда, Петру Михайловичу вскоре удалось кассировать приговор, а затем переехать в город и даже найти работу в структурном подразделении органов внутренних дел.

Если следовать логике Грибанова, злые соседи по дому задались целью сжить его со свету. Комната Грибановых 5 раз обворовывалась и, по мнению Петра Михайловича, этими проделками занимались его соседи. Иван Леонтьев был спекулянт, за что его в своё время даже подвергли аресту. Прежде он служил в органах НКВД Свердловска и Челябинска, но был

изгнан оттуда из-за должностного преступления и осужден за растрату. Ранее, ещё до убийства дочери, Грибанов даже написал на Леонтьева донос во 2-е отделение РКМ, в котором сообщил, что тот спекулирует растительным маслом, но Леонтьев, используя свои давние связи в милиции, вышел сухим из воды и, узнав, кто автор доноса, пригрозил Грибанову убийством.

12 июля к Леонтьеву приезжал друг. Они выпили, и ранним утром 13 числа друг уехал, что, по мнению Грибанова, было чрезвычайно странно. Он так и заявил на допросе: «Такого прежде не бывало». Наконец, Иван Леонтьев знал, что Грибанова с женою не будет дома вечером 12 июля, поскольку билеты в театр покупались по коллективной заявке и все соседи были осведомлены о предстоящей супругам культурной программе.

Не менее интересным персонажем оказался и Коля Ляйцев. Если верить словам Грибанова, 27-летний оболтус, хотя и считался «снабженцем», на самом деле руководил духовым оркестром в Управлении пожарной охраны и был судим за воровство. Отец убитой девочки на него тоже писал донос, только не в НКВД, а в прокуратуру. Причиной доноса явилось то, что Ляйцев пускал жить в свою комнату некоего Егорова, который останавливался там без прописки. После доноса и вызова Ляйцева в прокуратуру, таинственный Егоров исчез и более не появлялся, но Пётр Грибанов не сомневался в том, что Ляйцев до времени затаился и лишь выжидает удобного случая для сведения счетов.

В общем, налицо была типичная коммунальная склока. Подобные конфликты наполняли собою быт советских людей, а доносы во всевозможные инстанции – от парткомов по месту работы до пожарной инспекции – придавали весьма специфический колорит тому времени и способствовали редкостному остервенению. Михаил Булгаков, точно заметивший, что «москвичей испортил квартирный вопрос», на самом деле сильно польстил современникам. Квартирный вопрос испортил жителей не только столицы, но и всех более-менее крупных городов Советского Союза. Разрушение деревенского уклада жизни и стремительная урбанизация привели к колоссальному дефициту городского жилья, который отчасти не преодолен и до сих пор. Во время описываемых событий в крупных городах отдельные дома и квартиры имели очень-очень немногие, это были сплошь представители госпартноменклатуры и тонкая прослойка наиболее обласканной властью научной и творческой элиты. На каждой коммунальной кухне Советского Союза жили свои ляйцевы-леонтьевы-грибановы, сволочные мастера эпистолярного жанра, неистово строчившие доносы друг на друга и подозревавшие окружающих в неистребимом зломыслии.

Так что ничего удивительного для себя опера уголовного розыска не услышали, но профессионально насторожились. Не надо упускать из виду то обстоятельство, что еще свежи были воспоминания о кровавых событиях «Большого террора» 1937 года, когда на доносах стремительно строились и ломались карьеры и судьбы. Да и 1938-й не очень-то отличался от года предшествующего, Ежов всё ещё оставался у власти и «ежовые рукавицы» продолжали чистку всех этажей советского общества. Так что донос для тех дней – это весьма актуальное и перспективное направление для оперативной разработки, к доносам относились тогда с большим вниманием и интересом как работники полиции политической, так и уголовной.

Грибанов, рассказав о своих подозрительных соседях, моментально определил первое направление расследования убийства собственной дочери, а именно – убийство совершено соседями с целью мести и сведения счетов с политически сознательным прорабом. Вот только хитромудрый прораб не учел одной мелкой, но важной детали: донос – это дверь, которая открывается в обе стороны. Ведь и на самого доносчика можно донести...

Расследование с самого начала велось энергично, с привлечением больших милицейских сил, при участии начальника Отдела уголовного розыска лейтенанта Цыханского. Григорий Исаевич принял личное участие в обысках комнат Леонтьева и Ляйцева. Эта деталь свидетельствует о большом значении, которое придавалось этим следственным действиям.

Цыханский считался одним из самых опытных и компетентных сотрудников уголовного розыска, хотя по возрасту лейтенант был младше многих подчиненных. Родившийся в 1909 г., Георгий Исаевич закончил школу 2-й ступени, поработал рабочим сцены в театре до 18 лет, а потом поступил на вечерние 6-месячные юридические курсы. Это был, конечно же, далеко не университет, но Октябрьский переворот 1917 года и последовавшая Гражданская война до такой степени проредили ряды образованных людей, что даже подобное обучение считалось серьезной профподготовкой. На службу в Рабоче-Крестьянскую милицию Цыханский определился 2 октября 1927 г. и с самого первого дня ставил перед собой весьма амбициозные цели. В 1930 г. он вступил в ВКП (б), что в то время являлось совершенно необходимым условием кадрового роста, закончил школу старшего начальствующего состава РКМ, в 1936 г. стал начальником 2-го отделения Отдела уголовного розыска (ОУР). Отделение это специализировалось на расследованиях разного рода хозяйственных преступлений, случаев взяточничества, преступлений по должности (т.е. ненасильственных). «Большой террор» и связанные с ним чистки аппарата НКВД его не затронули, он стал заместителем начальника ОУР областного управления НКВД, а потом и начальником отдела, благополучно пережил Великую Отечественную войну. В 1950 г., будучи начальником милиции Якутской АССР, он организовал расследование довольно известного массового убийства в поселке Качикатцы Орджоникидзевского района Якутии. Тогда с целью ограбления были убиты 12 человек, в том числе 3 малолетних ребенка, а с целью маскировки преступления устроен поджог юрты. История эта интересна тем, что для раскрытия массового убийства Министерство госбезопасности Якутской автономной ССР внедрило в район проживания подозреваемых оперработника, который, легендируясь под глухонемого скорняка, на протяжении пяти с половиной месяцев осуществлял негласный сбор информации. В профильных вузах современной России этот случай приводят в качестве одного из классических примеров проникновения специального агента в криминальную среду. В отличие от выдуманной от начала до конца истории внедрения старшего лейтенанта Шарапова в банду «Черная кошка», положенной в основу сюжета телесериала «Место встречи изменить нельзя», растянувшаяся на многие месяцы легендированная работа оперативника Филиппа Лукина полностью исторична. К разработке этой нетривиальной по замыслу и опасной в реализации операции Георгий Исаевич имел непосредственное отношение. В 1957—1959 гг. Цыханский возглавлял Управление милиции по городу Вильнюсу.

Также в обысках принял участие помощник начальника ОУР Александр Кандазали, один из самых опытных сотрудников отдела. Родился Александр Иванович в 1892 г., закончил четыре класса коммерческого училища, один курс рабочего вечернего университета, и это обстоятельство делало его, пожалуй, самым образованным на тот момент оперсотрудником отдела. Заполненные им протоколы читаются легко благодаря выработанному почерку и умению автора связно выражать мысли. Кандазали повоевал в Гражданскую, закончил войну помощником командира полка по хозяйству. На милицейской ниве Александр Иванович подвизался с марта 1920 г., на момент описываемых событий его стаж был наибольшим среди сотрудников ОУР. Его без преувеличения можно было считать ветераном уголовного сыска Свердловска, да и всего Уральского края. Он участвовал в расследовании таких преступлений, которые в 1938 г. воспринимались современниками уже не иначе, как седая быль. Например, в 1924—1925 гг. Кандазали с группой оперов угро выловил знаменитую банду Кислицына-Ренке, снискавшую самую дурную славу жестоким убийством семьи торговца Кондюрина в Невьянске. Тогда в ноябре 1924 г. в ходе циничной уголовной расправы погибли 11 человек, в том числе пятеро детей в возрасте от полутора до 13 лет. В ноябре 1937 г. Кандазали в числе большой группы сотрудников НКВД был награжден орденом «Знак Почета». В приказе о награждении значилось: «За выдающиеся заслуги в деле охраны социалистической собственности и революционного порядка». Ни прибавить, ни отнять!

Милиция явно рассчитывала раскрыть убийство маленькой Герды в кратчайшие сроки, и личное участие в расследовании в таком случае всегда можно было обернуть к собственной выгоде. Не зря же говорится: у победы множество отцов, и только поражение сирота! Правда, результат обысков оказался, мягко говоря, так себе, небогатый. В комнате Леонтьева сотрудники уголовного розыска изъяли брюки, на левой штанине которых имелись бурые пятна, похожие на кровь, да кинжал с ножами. Имея в виду, что Леонтьева подозревали в убийстве, связанном с частичным расчленением тела, крови на его одежде оказалось маловато.

В тот же день, 17 июля 1938 г., ближе к вечеру, в том же самом кабинете 1-го отделения ОУР оказался на допросе Иван Алексеевич Леонтьев, главный антагонист Петра Грибанова по коммунальной кухне. Допрашивал подозреваемого лично начальник отделения Кузнецов, видимо, придававший этому процедурному моменту немалое значение. Кузнецов явно намеревался всерьез «колоть» Леонтьева на «сознанку» в убийстве, а потому никому перепоручить это важное дело не мог и не хотел.

Нельзя не признать того, что Иван Леонтьев был из разряда тех людей, про которых говорят «не лыком шит». Он был старше Петра Грибанова на год (родился в 1905 г.) и явно имел немалую толику природной сметки. Рос Иван в кулацкой семье, имевшей 6 коров, 2 лошади, молотилку, веялку и засеивавшей 8 десятин земли. После службы в РККА в период с 1928 по 1931 гг. он подался в Рабоче-Крестьянскую милицию, почуял, видимо, что деревенской вольнице приходит конец, а в советском колхозе ловить нечего. Начинать молодой милиционер свою карьеру в Суксунском райотделе, но быстро, уже через 5 месяцев, оказался переведён в Свердловск, в 6-е отделение во ВТУЗ-городке. Работа в органах милиции, да притом в крупном городе, Ивану понравилась: тут тебе и должное почтение широких народных масс, и места культурного отдыха, синематограф, театр, цирк, музкомедия. Кроме того, у милицейских товарищей имелось сравнительно хорошее по тем временам снабжение, магазины наркомвнудельской кооперации исправно отоваривали талоны, пусть эти магазины и уступали закрытым распределителям совпартноменклатуры, но в эпоху голода и народных страданий являлись, тем не менее, очень неплохим подспорьем. В общем, работал бы Иван рабоче-крестьянским милиционером и далее, но... вычистили его за связь с дядей-кулаком! Изгнали из милиции в марте 1932 г. прилюдно и с позором. Иван по этому поводу очень сокрушался, ведь и его отец, и дядя раскулачиванию не подлежали как сражавшиеся на стороне Красной армии! Тоже, кстати, интересный штришок к портрету эпохи – оказывается, не все кулаки были равны перед советским законом, кто-то являлся «упырем, кровососом и мироедом», а кто-то – не совсем плохим, не вполне, так сказать, эксплуататором несчастных батрацких масс. В общем, не всех кулаков в те времена надо было ссылать и раскулачивать, имелись среди них более заслуженные, которым власть обещала за былые заслуги в годы Гражданской войны неприкосновенность и всяческие блага, своего рода индульгенцию. Обещала, но... обманула! Экая неожиданность... Положа руку на сердце, следует признать, что это был отнюдь не первый и совсем не последний обман народа этой самой советской властью.

В общем, Леонтьева из свердловской милиции выгнали, но хлебнувший прелестей городской жизни Иван в деревню возвращаться не пожелал. Имея свердловскую прописку в доме №19 по улице Первомайской, комната 7, он стал искать варианты трудоустройства в городе. И трудоустроился в стройбюро НКВД. Помогли, видимо, скрытые связи с товарищами по милицейской работе. Что тут скажешь, ловкий парень, его в дверь, а он – в окно! Потрудившись на ниве строительно-монтажных работ, Леонтьев дождался реорганизации органов внутренних дел на южном Урале, проводившейся ввиду вычленения Челябинской области из состава Уральской, и в начале 1933 г. добился перевода в аналогичное подразделение создававшегося Управления НКВД по Челябинской области. Там он работал до ноября 1934 г. и уволился непосредственно перед убийством Кирова. Уволился, кстати, очень удачно, ибо выстрел в Смольном аукнул по всей территории Советского Союза большой проверкой

кадров НКВД на лояльность. Но поскольку Иван Леонтьев выскочил из этого капкана до того, как он захлопнулся, то жизнь вроде как подарила ему очередной шанс на успех.

С декабря 1934 по июль 1938 г. Иван сменил пять мест работы и на момент описываемых событий являлся экспедитором треста «Главлегснаб». По советским меркам пять мест работы за три с половиной года – это очень много, просто даже неприлично много, таких любителей «длинного рубля» в советскую пору называли «летунами». Но Леонтьев не просто менял место работы – он честно объяснил младшему лейтенанту милиции Кузнецову, почему так поступал – его не устраивала зарплата. В Советском Союзе жаловаться на зарплату было опасно, можно было получить репутацию «стяжателя». Но, видимо, Леонтьев ничуть не боялся испортить своё реноме в глазах начальника 1-го отделения ОУР и на допросе рубил правду-матку невзирая на лица. Такой вот, понимаешь ли, правдолюб, летун и стяжатель... Но, наверное, мужчина не был лишен харизмы, а потому убеждать умел и не казался, в общем-то, явным негодяем.

Прежде всего, Леонтьев подчеркнул, что несудим, и это, кстати, подтвердила проверка по учетной базе осужденных. Его увольнение из НКВД в марте 1932 г. судимостью не являлось – это было именно увольнение по компрометирующим основаниям, не более того. Таким образом, получалось, что потерпевший Пётр Грибанов, отец убитой девочки, своего соседа оговорил. А это нехорошо, более того, это прямое нарушение статьи 95 УПК РСФСР, грозящей наказанием за дачу ложных показаний во время официального допроса, вроде даже как преступление.

Но ладно, далее стало только интереснее!

Понимая, видимо, к чему клонится интерес сотрудников угро, Иван Леонтьев сообщил, что отношения у него с Грибановым нормальные, но вот только был один случай в 1934-м... И рассказал, что же это был за случай. Купил Иван растительное масло в магазине Торгсин, принес его домой, а Грибанов сделал донос во 2-е отделение милиции, будто масло это похищенное. Началась проверка сообщения, масло у Леонтьева изъяли, но потом вернули, выяснилось, что приобретено оно законно. В общем, Пётр Грибанов, по словам Ивана Леонтьева, «нехорошее сделал». Причём узнал Грибанов о масле во время совместных возлияний, то есть ситуация по меркам советского обывателя выглядела совсем уж отвратительно: сначала вместе пьём водку, а потом собутыльник бежит строчить донос. Ну куда такое годится?!

Рассказал он о Грибанове и еще кое-что интересное: оказывается, к Петру утром 12 июля заходил друг, с которым они выпили пива. Ну а что такого – вторник, начало дня, мужики набираются сил, картина, скажем мягко, узнаваемая. Душа у мужиков развернулась и требовала продолжения. Пётр обратился к супруге с просьбой дать ему денег, на что та ответила бранью, помянула про развод, изгнание из дома и прочие сопутствующие детали семейного конфликта. В результате сконфуженный Петр Грибанов попрощался с другом и от дальнейшего питья вынужденно отказался. Деталь эта была в глазах оперативников угро весьма немаловажна, она означала, что родители убитой девочки жили недружно, конфликтно, несчастливо и дети им могли быть обузой.

Относительно событий 12 июля, то есть того дня, когда пропала Герда Грибанова, подозреваемый дал исчерпывающий ответ. Согласно его заявлению поутру он отправился на товарный двор железнодорожной станции «Свердловск-Сортировочная», где проследил за погрузкой вагона треста, после чего вернулся домой. Произошло это примерно в 13:30. Затем, около 15:30 он и его жена Надя отправились на велосипедах в гости к родному брату Ивана Александру, проживавшему на площади Коммунаров. Брата дома не застали, но тут подошел друг брата, и они втроем выпили четверть литра водки. Домой они отправились примерно в 19:15, но по пути заехали на станцию Сортировочная, где Иван расплатился с грузчиками, работавшими на погрузке вагона утром. В общем, домой на улицу Первомайскую супруги Леонтьевы вернулись к 9 часам вечера, то есть к тому моменту, когда Герду Грибанову в последний раз видела гражданка Дымшиц. Девочку они, однако, не видели, а это заставляет думать, что воз-

вращение имело место чуть позже 21.00. Однако далее Леонтьев сказал самое интересное. По его словам он вышел во двор помыть велосипеды перед тем, как заносить их в жилую комнату. Во дворе он видел деда пропавшей девочки – Михаила Грибанова – который, вообще-то, поисками не занимался. Во всяком случае, Леонтьев не понял, что дед кого-то ищет: тот к нему не обращался, ничего не говорил, не кричал, не суетился, ходил по двору и всё! А чего он ходит, кто ж знает?

Леонтьев занес велосипеды в дом и опять отправился с женою на прогулку. Гуляли они по улице Ленина с 21:30 до 23 часов, встретили, кстати, заместителя управляющего трестом «Главлегснаб» товарища Альтера и поговорили с ним некоторое время. После возвращения домой супруги легли спать. В этой связи интересен следующий нюанс: даже в 23 часа, то есть во время возвращения Ивана и Надежды Леонтьевых с прогулки, никакого переполоха из-за пропажи девочки не наблюдалось. Никаких криков, никакой беготни... Ну разве так ищут пропавшего ребёнка? Об исчезновении Герды свидетель, по его словам, узнал только в 3 часа ночи или даже позже: в дверь комнаты Леонтьевых постучала Варвара Грибанова, жена Петра и мать Герды, осведомилась, не у них ли находится девочка. Леонтьевы открывать дверь не стали, просто ответили, что девочки тут нет, и снова легли спать.

Забегая вперед, отметим, что сотрудники уголовного розыска тщательно поверили показания Ивана Леонтьева, и они нашли полное подтверждение. Леонтьев действительно находился там и в то время, как сообщал об этом при допросе.

Заслуживают интереса ответы этого человека на несколько принципиально важных вопросов, заданных лейтенантом Кузнецовым. Говоря о том, когда он видел Герду Грибанову в последний раз, Леонтьев заявил, что это было примерно в 13:30 12 июля, когда он вернулся с утренней погрузки вагона. Об исчезновении он узнал, как отмечено выше, только в 3 часа ночи 13 июля. О том, что в кустах за домом найден труп Герды, он услышал в 7 часов вечера 16 июля, но деталей случившегося не знает и не ходил смотреть на труп. Это, между прочим, весьма важная поведенческая модель – человек, никак не связанный с преступлением, стремится отгородиться от травмирующих деталей, способных лишить покоя и доставить беспокойство. Преступник же либо лицо, каким-то образом связанное с преступлением, искренне интересуется деталями расследования, разного рода новостями и нюансами, связанными со следствием. Эта реакция внерассудочна, и ею сложно управлять, но, как показывает практика, данное наблюдение очень часто подтверждается. Именно поэтому органам следствия и сыска важно тщательно фиксировать всех свидетелей и зевак, собирающихся поглазеть на работу криминалистов на месте преступления. В этом смысле важны и иные мероприятия, связанные с жертвами преступлений, – их похороны, облагораживание могилы и т. п. Лица, связанные с преступлением, выражают ко всему этому неподдельный интерес, в то время как посторонний человек интуитивно старается дистанцироваться от подобных, скажем прямо, тягостных моментов.

Показания Ивана Леонтьева подтвердила и даже в чем-то дополнила его жена Надежда Ивановна, допрошенная поздним вечером 17 июля. Например, она уточнила, что на квартире брата было выпито не только 0,25 литра водки, но и 1,25 литра вина. А вечернюю прогулку объяснила необходимостью посетить портниху, проживавшую на улице Розы Люксембург, дом 16. Сообщила она и том, что во время этой прогулки они зашли в магазин треста «Главрыба», где купили рыбу – об этой мелочи Иван Леонтьев не сообщил, возможно, просто запомнил. В общем, в рассказах супругов Леонтьевых все вроде бы сходилось.

В показаниях Ивана Леонтьева весьма любопытен один момент, возможно, не вполне понятный современным жителям России, но заслуживающий акцента. Рассказывая об эпизоде, связанном с доносом Грибанова, Иван мимоходом упомянул о том, что злополучное растительное масло он приобрел в магазине Торгсин – Всесоюзного объединения по торговле с иностранцами. Эти магазины в каком-то смысле являлись предтечами валютных магазинов сети

«Березка», о существовании которых ещё помнит старшее поколение российских граждан. Торгсин не торговал за рубли, в качестве платежных инструментов выступали «валютные ценности» – драгоценные металлы и камни, изделия из них и наличная валюта. Простым гражданам Страны Советов в залах магазинов Торгсин делать было нечего, туда входили только те, кто имел при себе реальные ценности, а не фантики Госзнака. Сеть магазинов Торгсин, созданных во всех крупных городах Советского Союза, являлась своеобразным «пылесосом», вытягивавшим из населения ценности в обмен на потребительские товары, прежде всего продовольственные. За 5 лет своего существования – с января 1931 по январь 1936 г. – Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами (Торгсин) принесло Наркомфину около 273 млн. рублей чистой валютной выручки. Для того времени это была колоссальная сумма, достаточно сказать, что стоимость импортного оборудования для оснащения Уралмаша не превышала 15 млн. рублей. Нас, впрочем, интересуют в данном случае не экономические показатели работы Торгсина, а то, что его посетителями в своей массе являлись люди зажиточные, имевшие за душой не просто «зачапку до зарплаты», а драгоценности и валюту. Иван Леонтьев, как видим, был как раз из таких людей. Случайно или нет, но жена его, Надежда Ивановна, работала в магазине №1 Управления НКВД, т.е. в ведомственной торговой точке. В общем, семейка по советским меркам далеко не рядовая: он – снабженец, она – торговый работник в наркомвнудельском магазинчике, масло растительное покупают в Торгсине...

Нельзя не отметить того, что Иван Леонтьев, хотя и имел «сельское образование», как сам же выразился во время допроса, оказался мужиком ловким и смышленным. Он не только дал очень разумные показания, максимально отводящие подозрения от него лично, но и легко, как бы мимоходом, накинул подозрений в адрес Грибанова. Картина действительно получалась презанятной: отец убитой девочки заявляет о своих подозрениях в адрес соседей, но при этом «забывает» упомянуть о конфликте с женою; к нему из деревни 10 июля приезжает отец, то есть дед девочки, который отпускает супругов в театр, а сам остается дома и именно в это время Герда исчезает. Надо же, какое совпадение! Дед вообще ведёт себя подозрительно: шума не поднимает, слоняется молча по темному двору и только за полночь выходит на улицу и заговаривает с одним из соседей, жалуясь на исчезновение ребёнка. Такое ощущение, что он вовсе и не спешил поднимать шум и лишь перед самым приходом из театра родителей девочки начал изображать поиски. Для галочки, что ли? Буквально через сутки – 14 июля – не дождавись результата розыска Герды, дед уезжает из Свердловска в свою деревню и забирает старшую из дочерей. А зачем он её забирает? Родители ожидают, что скоро будет обнаружен труп, и спешат оградить старшую дочь от тяжелых впечатлений? Согласитесь, такой ход рассуждений сотрудников уголовного розыска выглядел логичным, обоснованным и заслуживал внимания...

Далее. Сам по себе вечерний поход в театр супругов Грибановых сильно смахивает на заранее продуманное создание алиби. Из театра, кстати, можно было незаметно выйти во время представления, а потом вернуться обратно, создав у окружающих видимость собственного присутствия на протяжении всего представления. Подозрительным казалось и то, что Грибанов-отец на протяжении одного дня дважды сходил на массовые представления – днём он посетил цирк с дочерьми и отцом, а вечером – отправился в театр. Не слишком ли насыщенная культурная программа для прораба административно-хозяйственного отдела?

В общем, после допросов супругов Леонтьевых у сотрудников угро сама собой оформилась новая версия преступления: к убийству Герды Грибановой причастны её родители или как минимум отец и дед. Последнего специально вызвали из деревни для обеспечения алиби сыну и невестке, а возможно, и для осуществления убийства. Потому-то Михаил Андреевич и поспешил вернуться в свое село Черемхово ещё до того, как прояснилась судьба девочки. Поиск внучки его совершенно не интересовал, поскольку он знал, что она мертва...

Версия представлялась интересной, но она не снимала всех подозрений с Леонтьева. Его не стали помещать под стражу, но взяли подписку о невыезде и изъяли паспорт – так, на всякий случай, чтобы далеко не уехал, если вдруг надумает.

В целях отработки новой версии на следующий день из Свердловска в Челябинскую область отправился оперативный сотрудник уголовного розыска сержант Чемоданов, имевший задачу провести обыск места проживания Михаила Грибанова, осмотреть его личные вещи и допросить.

Хотя у уголовного розыска появилась весьма перспективная «версия №2», работу по «версии №1» (убийство соседями из мести) никто не отменял. Поэтому в 1-е отделение вызвали второго подозреваемого, поименованного Грибановым – Николая Степановича Ляйцева.

Положа руку на сердце, следует признать, что гражданин Ляйцев был персонажем скорее комическим, нежели трагическим, то есть он заслуживал пера Зощенко в большей степени, нежели Драйзера. Родившийся в 1911 г., он рано лишился семьи – родители его развелись, когда мальчику было 10 лет. Коля жил с матерью в Свердловске и, закончив школу в 1928 г., уехал к отцу в Нижний Тагил, там устроился на оборонный завод №63 и оттарабанил учеником токаря почти 4 года. Романтика паровозного свистка и заводского гудка быстро приелась, запах горелого машинного масла стал вызывать идиосинкразию, и поскольку начало 1930-х гг. было в Советской России очень голодным временем, молодой человек понял, что ему не нравятся стоять от зари до зари у токарного станка, получая в виде зарплаты фантики, на которые невозможно ничего купить. Потому Ляйцев стал раздумывать над тем, как бы покончить с малоперспективной рабочей стезей. Выход представился совершенно неожиданный – Коля подался в масскультпросвет, дабы нести свет культуры в ширнармассы. Нельзя сказать, чтобы ученик токаря сам был как-то особенно культурен или образован, но умел говорить с жаром и без остановки, а этого таланта для сеятеля разумного и вечного по тем временам было вполне достаточно. На практике культурный бизнес-план выглядел следующим образом: Коля Ляйцев при заводском клубе «Мечта и лист» учредил духовой оркестр, начальником коего поставил самого себя. Что соответствовало духу времени и выглядело логично, поскольку ежели сам себя не выдвинешь, то никто тебя и не заметит... У современного человека может появиться известная толика недоумения, почему это Ляйцев организовал музыкантскую команду, а, скажем, не судомодельную секцию или кружок вышивания крестиком? Но на самом деле тяга к музыке объясняется просто. Духовые оркестры в ту пору были востребованы – музыкантов приглашали на свадьбы, похороны, концерты в общественных местах, а каждое такое приглашение гарантировало живые деньги или продукты в качестве оплаты. Достоинство упоминания то обстоятельство, что сам Ляйцев не имел ни музыкального образования, ни навыков игры на духовых инструментах, но это было и неважно, он шлепал литаврами, договаривался с контрагентами и – самое главное! – делил деньги между участниками бизнес-проекта.

Итак, Николай Ляйцев возглавил духовой оркестр при клубе и, казалось, шел к успеху, но приключилась на его жизненном пути незадача. Через полгода со времени начала функционирования при клубе «Мечта и лист» оркестра один из музыкантов поставил под сомнение компетентность и справедливость руководителя, то бишь Николая. Оно и понятно, на примере отношений соседей по коммунальной кухне Леонтьева и Грибанова мы уже видели, сколь ревниво советские граждане относились к чужим успехам или тому, что принимали за успех. Скандал вышел в людном месте, в парке во время концерта. Ляйцев ударил возмутителя спокойствия, тот в ответ ударил Ляйцева, и понеслась куча мала. Читая о таких историях, невольно ловишь себя на мысли, что драка музыкантов в кинокомедии «Весёлые ребята» – это отнюдь не вымысел сценариста, а, можно сказать, сермяжная правда жизни. В общем, Коля попал под суд и был приговорен к двухлетнему сроку в исправительной колонии, который и отбыл. Выйдя на свободу, Николай в Нижний Тагил не вернулся, а подался в город Асбест и учредил духо-

вой оркестр там. Видимо, бизнес-идея жгла мозг и не отпускала Колю. Однако вскоре музыкальную команду в Асбесте прикрыли, и Коля переехал в Шадринск. Там история повторилась в точности, конкурирующие музыканты добились закрытия учрежденного Николаем оркестра, и Ляйцев надумал вернуться к матери в Свердловск. Так и поступил.

Николай Степанович устроился в мастерской Управления пожарной охраны ответственным по снабжению и с упоением предался любимому делу, то есть организации и руководству духовым оркестром, на этот раз при клубе пожарных. Николай был женат, но в описываемое время его личная жизнь дала глубокую трещину, и в июле 1938 г. Ляйцев переживал весьма травматичный развод. Судя по всему, он любил свою жену Надежду Константиновну и надеялся её удержать, но шансов у него было мало. Наденька работала бухгалтером на партийных курсах и видела вокруг себя массу молодых перспективных партработников, так что не следует удивляться тому, что муж-неудачник ей опостылел быстро и бесповоротно.

События 12 июля в жизни Николая Ляйцева во многом оказались связаны с его бывшей супругой, которая за несколько дней до этого ушла от него с вещами на съёмную квартиру, адрес которой держала в секрете. Днём Коля приходил к Надежде по месту работы, разговаривал, упрашивал вернуть ему велосипед, который жена забрала при расставании. Надя пообещала двухколёсного друга отдать. Затем руководитель оркестра ушёл к своим музыкантам и вместе с ними отправился на стадион «Динамо», где им предстояло играть в перерыве между футбольными таймами. На стадионе Ляйцев безотлучно пробыл до 21:30, и это подтверждалось многочисленными свидетелями, так что на время исчезновения Герды Грибановой он имел прямо-таки железное алиби. После ухода со стадиона Николай опять отправился по месту работы жены, получил свой велосипед и договорился с Наденькой о свидании чуть позже. Быстро прикатив велосипед в свою комнату в доме №19 по улице Первомайской, Ляйцев помчался на вечернее свидание с женой. Встретились они у рыбного магазина на пересечении улиц Ленина и Карла Либкнехта и гуляли до 2 часов ночи.

Рассказывая о том, что видел в доме и во дворе в 22 часа, Ляйцев заявил, что всё было спокойно и лишь молча слонялся какой-то старик, приехавший к Грибановым. Очевидно, речь шла о Михаиле Грибанове, дедушке убитой девочки. Свидетель не был с ним знаком, видел второй раз, никаких разговоров с ним не вёл. Вся обстановка в доме была совершенно спокойной, и ничто не указывало на некие экстраординарные события.

Единственная известная сегодня фотография Герды Грибановой.

Понятно, что такой рассказ лишь усиливал подозрения в отношении Грибановых.

Была допрошена и Надежда Константиновна Ляйцева, жена Николая. Молодая женщина – на момент описываемых событий ей шел лишь 23-й год – подтвердила показания мужа в той части, в какой они были связаны с их встречами 12 июля. Более того, она в чем-то даже уточнила рассказ Николая, сообщив, что их вечерняя прогулка началась в 22 часа в ресторане «Савой», а потом продолжилась в ресторане «Ривьера», где они находились примерно до 3 часов ночи. Остаётся, конечно, порадоваться здоровью молодых людей, способных гулять всю ночь посреди рабочей недели. Никаких пятен крови на одежде Николая или его какого-то особого волнения Надежда не заметила, всё было как всегда.

Опрос присутствовавших на футбольном матче лиц и членов музыкальной команды подтвердил безотлучное присутствие Николая Ляйцева 12 июля на стадионе «Динамо» до 21:30. Его последующее спокойное поведение и многочасовое бдение в ресторанах «Савой» и «Ривьера» фактически выводило его из круга подозреваемых. Казалось невероятным, чтобы изувер, расчленивший маленькую девочку и совершивший половой акт с трупом, отправился после этого гулять с бывшей женой. Кроме того, Ляйцев не переодевался вечером и явился на встречу с Надеждой в 22 часа в том же самом облачении, в каком забирал велосипед. Учитывая, что убийство было очень кровавым, со стороны преступника было бы крайне неосмотрительным оставаться в той же самой одежде, в какой он расчленил ребёнка. Да и по времени картинка не складывалась, простейший хронометраж показывал, что у Николая после ухода со стадиона просто не оставалось времени на убийство.

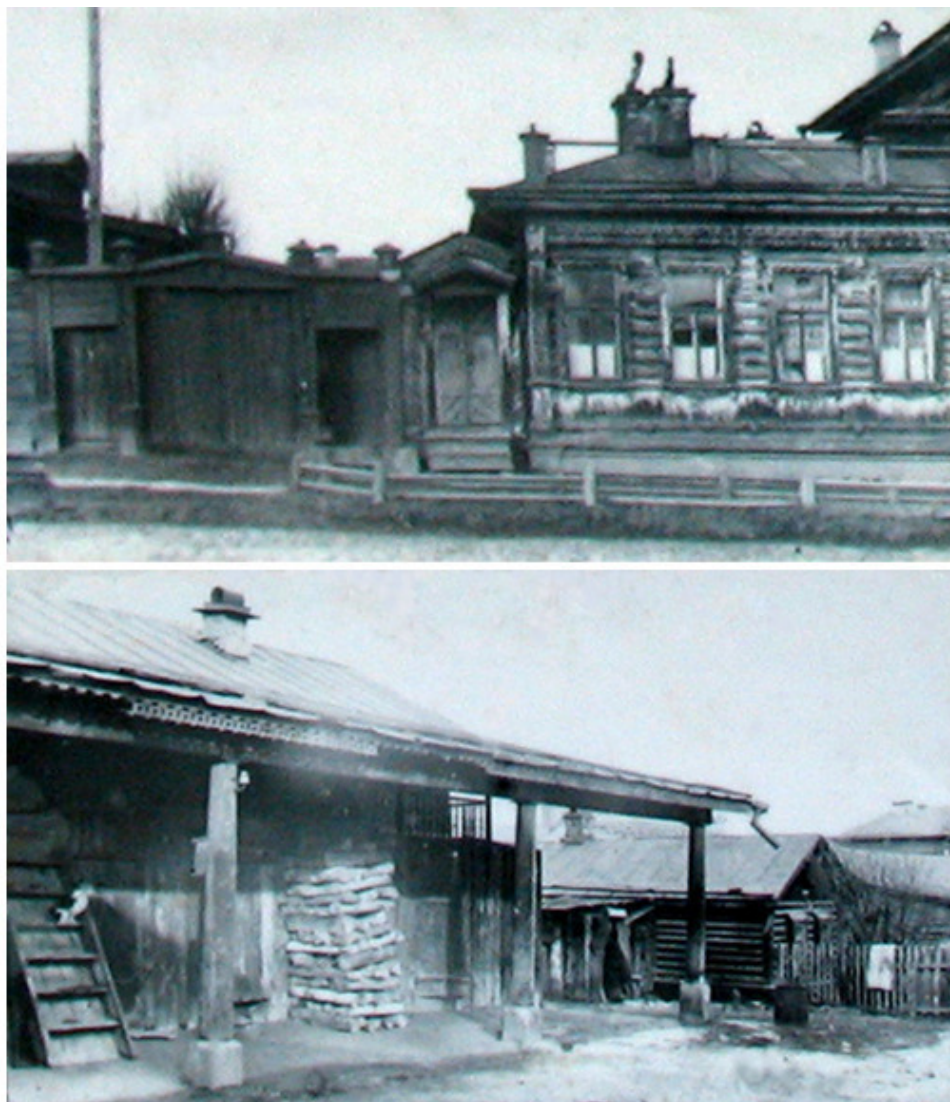
Несмотря на все эти соображения, надо сказать, довольно очевидные, сотрудники уголовного розыска оставили Ляйцева под подозрением. У него, как и у Леонтьева, взяли подписку о невыезде и изъяли паспорт. «Вплоть до выяснения», как любили говорить тогда.

19 июля оперативный сотрудник свердловского уголовного розыска Чемоданов в сопровождении милиционеров Каслинского райотдела Управления НКВД по Челябинской области явился в дом Михаила Андреевича Грибанова в селе Черемхово. Для 69-летнего старика визит милиционеров стал, должно быть, немалым потрясением. Михаил Андреевич ответил на все

вопросы визитеров, подробно рассказал о пожаре 1925 г., во время которого сгорел дом жившего по соседству Дмитрия Дмитриевича Козлова, особо подчеркнув, что отстроил погорельцу новый дом. Также старик рассказал о своей поездке в Свердловск. Отвечая на вопрос о событиях вечера 12 июля, заявил, что пять раз выходил во двор и на улицу в поисках внучки.

При осмотре одежды Михаила Андреевича внимание Чемоданова привлёк матерчатый пояс, которым подпоясывался дед. Поясок оказался в мелких темных брызгах, которые вполне могли оказаться кровавыми. На вопрос о происхождении этой детали одежды Грибанов ответил, что носит поясок уже лет 5 или около того, и допустил, что брызги могут быть кровавыми. Михаил Андреевич объяснил их возможное происхождение тем, что страдал носовым кровотечением, во время которого мог запачкать поясок. Объяснение было так себе, формальным, с точки зрения оперработника оно свидетельствовало лишь о неуверенности ответчика в своих словах и стремлении подстраховаться «на всякий случай». Вот только подстраховка эта была фиктивная и в случае обнаружения человеческой крови ничем не облегчавшая положение ответчика. К сожалению, сам Михаил Грибанов этот нюанс в тот момент вряд ли понимал.

Чемоданов вместе с Окуловым, оперуполномоченным районного уголовного розыска, провел обыск хатёнки, в ходе которого изъял сатиновую рубашку и черные в белую полоску брюки, в которых Грибанов ездил в гости к сыну; после чего объявил деду об аресте и выехал вместе с ним в Свердловск. Постановлением об избрании меры пресечения от 21 июля 1938 г. Михаила Андреевича Грибанова определили в следственный изолятор и до поры забыли о его существовании. В общем, «закрыли» бедолагу...

Дом, в котором проживала семья Грибановых (сверху – вид с улицы, внизу – со двора).

Но расследование в Свердловске на этом ничуть не остановилось. Оперработники уголовного розыска, собиравшие информацию на территории, прилегавшей к улице Первомайской, получили сообщения о действовавших в районе хулиганах. Эти не в меру строптивые малолетки были замечены в посягательствах на половую неприкосновенность детей. Сотрудникам милиции удалось отыскать женщину, согласившуюся дать официальные показания об известных ей происшествиях.

Александра Павловна Машанова, 52 лет, проживала в доме №105 по улице Мамина-Сибиряка – это буквально 100—120 метров от дома, в котором жила убитая Герда Грибанова. Согласно ее заявлению в июне 1938 г. местные подростки Иван Смирнов, Василий Молчанов и кто-то ещё, чьи имена и фамилии она не знала, заманили в один из дровяных сараев четырех 5-летних девочек, среди которых была и внучка заявительницы – Тамара Бочкова-Ротомская. Заманили очень просто, пообещав девочкам, что в тёмном сарае будут показывать кино. Дальше последовала отвратительная сцена – подростки принялись задираť девочкам юбки и срывать трусики, когда же девочки попытались убежать, их вернули и удерживали силой. Тамару, пытавшуюся сопротивляться, бросили на землю и наступили на спину ногой. Припустив штаны, подростки с шутками и прибаутками стали демонстрировать перепуганным девочкам собственные половые органы... Трудно сказать, до чего бы дошли в своих развлечениях юные подонки, но их смутила начавшаяся у одной из девочек истерика. Уходя, они

приказали малолетним жертвам молчать и пригрозили, что проболтавшимся «отрежут руку и ногу». Машанова не была свидетелем этого инцидента, но узнала о деталях случившегося от внучки.

В другой раз упомянутый выше Иван Смирнов грубо приставал к малолетней девочке по фамилии Стяжкина. Машанова оказалась свидетельницей этой сцены и, увидев происходящее, прогнала малолетнего негодяя.

Понимая, к чему клонится дело и чем могут закончиться подобные бесчинства распустившихся подростков, Машанова с отцом одной из девочек, ставшей жертвой приставаний гиперсексуальных юнцов, отправилась на разговор с отцом Ивана Смирнова. Именно Смирнов был закопёрщиком этой компании, и именно его активность следовало остановить в первую очередь. Разговора, однако, не получилось. Нетрезвый папаша несовершеннолетнего негодяя набросился с кулаками на немолодую уже женщину, и разговор мог бы закончиться побоями, если бы раздухарившегося мужичка не остановили присутствовавшие.

Продолжая опрос населения, оперативники нашли ещё одного свидетеля антиобщественных выходок местной молодежи, точнее, свидетельницу. Алексеева, соседка Машановой, видела, как в саду у дома №111 по улице Мамина-Сибиряка занимался онанизмом некий Василий Молчанов. Да-да, тот самый юноша, что обнаружил труп Герды. Женщина закричала нахалу, и тот нехотя удалился. Подобное стремление к демонстрации половых органов и публичной мастурбации криминальная психология относит к извращению, называемому эксгибиционизмом. В русском просторечии того времени подобных людей называли трясунами.

К эксгибиционистам на Руси всегда относились снисходительно-презрительно, воспринимая таких людей как несчастных, убогих. Подразумевалось, что они творят, конечно, вещи гадкие и неприличные, но беды никому не принесут. На самом деле подобное отношение вряд ли справедливо. Делить сексуальные извращения на социально «опасные» и «неопасные» – занятие в высшей степени контрпродуктивное и лишённое смысла. Сейчас, когда во всем мире уже накоплен большой опыт в исследовании феномена серийной преступности, известно, что многие убийцы-серийники во время становления своего извращенного влечения демонстрировали девиантное поведение, которое не казалось окружающим сколько-нибудь опасным (например, склонность к побегам из дома, жестокость по отношению к животным или разного рода «опыты» над ними и т. п.). Васе Молчанову в описываемый период времени едва исполнилось 12 лет, и если мальчик в таком возрасте уже срывал с пятилетних девочек трусики и занимался онанизмом под окном зрелой женщины, то можно не сомневаться, что в голове у этого подростка что-то было глубоко не в порядке.

Вообще же, тема девиантного и криминального поведения детей и подростков чрезвычайно деликатна и окружена множеством предрассудков. Массовое сознание по умолчанию считает детей беззащитными жертвами и априори возлагает вину за разного рода трагические инциденты на взрослых. Но как и всякий прямолинейный подход такого рода упрощенная оценка грешит неточностью и может совершенно исказить истинную картину. Работники правоохранительных органов, имеющие дело с детско-юношеской преступностью, хорошо знают, что многие дети, особенно с психопатическими задатками, прекрасные манипуляторы окружающими. Они лживы, склонны к мифотворчеству и во время общения стремятся подстроиться под реакцию собеседника. Помимо безответственности, они лишены внутренних тормозов, что делает их агрессию не только несоразмерно жестокой, но даже иррациональной. Дети действительно часто становятся жертвами преступлений, совершаемых взрослыми, и такие случаи, получив известность, вызывают широкий резонанс, но при этом нельзя игнорировать и то обстоятельство, что сами взрослые нередко оказываются жертвами девиантных наклонностей подростков.

В советское время детско-юношеская преступность, обычно квалифицировавшаяся как хулиганство, давала третью часть и даже более всей криминальной статистики в масштабах

страны. Это была серьезная головная боль государственной власти, с которой она так и не справилась вплоть до распада СССР. Говоря о сталинских репрессиях и правовом произволе, частенько упоминают о смертной казни, применявшейся с апреля 1935 по май 1947 г. в отношении подростков, достигших 12 лет. Подобная мера трактуется как беспримерно жестокая и противоречащая тогдашнему уголовному законодательству Советского Союза. Действительно, принятое 7 апреля 1935 г. совместное постановление ЦИК и СНК СССР «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних», а также секретное письмо Политбюро ЦК ВКП (б) от 26 апреля, разъяснявшее его применение, создавали правовую коллизию, то есть ситуацию очевидного противоречия различных норм права. Упомянутое Постановление отменяло статью 8 «Основных начал Уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик», гласившую, что к малолетним и несовершеннолетним преступникам должны применяться меры исключительно медико-воспитательного характера. Закрепленное в ст. 22 Уголовного кодекса РСФСР ограничение минимального возраста расстреливаемых 18 годами отнюдь не отменялось. При этом в письме Политбюро подчеркивалось, что расстрелы несовершеннолетних от 12 лет и старше допустимы. Но, положив руку на сердце, следует признать, что данная коллизия была далеко не самым вопиющим произволом, явленным миру десятилетиями сталинского социализма.

Уже в нынешнее время, то есть в 21 веке, среди сторонников и противников «сталинского социализма» разгорелась горячая полемика относительно того, происходили ли в действительности расстрелы детей и подростков? Известен список организации «Мемориал», согласно которому на одном только Бутовском полигоне в Москве в интересующее нас время (то есть в 1937—1938 гг.) были казнены 94 человека в возрасте от 14 до 18 лет. Достоверность его не раз ставилась под сомнение нынешними сторонниками Сталина, которые обвиняли «Мемориал» во всех смертных грехах, начиная от фальсификации истории до подрывной деятельности против государства. Оставим аргументацию сторон на их совести и сошлёмся на доказательства, признанные судом. Как известно, Евгений Джугашвили, внук Иосифа Сталина, подавал в Европейский суд по правам человека иск к некоторым отечественным СМИ, настаивая на том, что они осознанно искажают славное прошлое, над которым немало потрудились его дед. В ходе процесса, который Джугашвили в январе 2015 г. проиграл, поднимался вопрос и о расстрелах несовершеннолетних в СССР. Суду были представлены документы российских архивов о четырех случаях расстрелов в 1937 г. несовершеннолетних (Анатолия Плакущего, Александра Петракова, Ивана Белокашина и Михаила Третьякова). Все они родились в 1921 г., и на момент казни им было по 15—16 лет. Суд после проверки принял эти документы, и таким образом вопрос о реальности подобных расправ получил однозначное разрешение: да, в Советском Союзе несовершеннолетних действительно расстреливали!

Чтобы окончательно закрыть тему об уголовном преследовании несовершеннолетних в интересующий нас исторический отрезок, сошлёмся на весьма интересные и достоверные, на наш взгляд, подсчеты канадского историка Питера Соломона, согласно которым в 1939 г. советскими судами всех уровней были осуждены 24 474 человека в возрасте до 16 лет, из них 2 936 – до 14 лет включительно. Примерно половина из указанного числа осужденных получила условные приговоры, то есть в места лишения свободы не попала¹.

Поэтому бичуя присущий сталинской эпохе произвол, всё же следует не терять связь с реальностью и здравым смыслом и помнить о том, что не все дети агнцы и не всегда они жертвы.

---

¹ Подробнее об этом: Питер Соломон «Советская юстиция при Сталине», изд. 2-е, М., Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, стр. 221. Книга эта чрезвычайно интересна и информативна и, по мнению автора, должна быть прочитана любым интересующимся историей сталинских репрессий. В связи с подсчетами Соломона необходимо принимать во внимание, что значительное число подростков в 1930-е гг. осуждено внесудебными органами и число таких осужденных в настоящее время не может быть определено сколько-нибудь достоверно.

Примерно так же рассудили и опера свердловского уголовного розыска, услышавшие рассказы Машановой и Алексеевой о проделках малолетних негодяев. Милиционеры хорошо представляли, о ком идет речь, поскольку встречались с Василием Молчановым несколькими днями ранее – ведь это именно он обнаружил труп Герды Грибановой в кустах черемухи. Теперь появился новый повод для встречи. В общем, Васю Молчанова взяли под руки белые и доставили на допрос. Вася оказался полностью деморализован случившимся, моментально скис и принялся каяться. Он подтвердил рассказ Машановой о непристойностях в отношении девочек, сообщил имена троих своих дружков (имени четвертого не знал), рассказал, у кого имеются какие ножи, и даже поведал о существовании в их компании «самодельного револьвера». Речь, очевидно, шла о примитивном «пугаче»; увлечению такого рода поделками отдали дань многие поколения российских мальчишек ещё с царских времен.

В процессе общения с милиционерами Молчанов упомянул о том, что несколькими днями ранее его руку случайно рассек ножом старший товарищ, 19-летний Василий Кузнецов. Молчанов был знаком с ним через своего старшего брата Аркадия. У Кузнецова имелся солидный ножик вроде кортика, который ему дал, вроде бы, Сергей Баранов, и вот, размахивая этим самым ножиком, он с пьяных глаз зацепил руку Молчанову-младшему.

Оперработники рассказом этим заинтересовались, поскольку стало ясно, что речь идет о компании молодых людей под 20 лет, ребят пьющих, глуповатых, не очень-то устроенных в жизни, да притом ещё и с ножами в карманах. Если 12-летний Вася Молчанов не очень годился на роль расчленителя-некрофила, то вот дружки его старшего брата в этом отношении казались куда более перспективными.

Первым на допрос в 1-е отделение Отдела уголовного розыска попал Сергей Леонтьевич Баранов, самый старший участник компании, владелец того самого большого ножа, которым был ранен Молчанов-младший. Сергей родился в 1918 г. в Екатеринбургe, закончил школу и работал учеником печатника в типографии «Уральский рабочий», был несудим и приводов в милицию не имел. Не зная причины истинного интереса к своей персоне, Баранов, по-видимому, оказался чрезвычайно напуган обстановкой, в которой проводился допрос (что легко объяснимо). По его ответам видно, что он старался произвести на сотрудников уголовного розыска самое благоприятное впечатление и говорил даже больше того, что от него требовали.

Сергей обстоятельно рассказал историю приобретения ножа, который был куплен несколькими годами ранее за 5 рублей у товарища. Баранов назвал его фамилию, но она не заинтересовала оперов, им важнее было узнать о перемещениях ножа в последние недели. Согласно рассказу Сергея 10 июля он передал нож своему другу Василию Кузнецову, который нуждался в серьёзном оружии для охраны голубятни, однако уже через 5 дней забрал обратно, как говорится, от греха подальше, поскольку Кузнецов неосторожно порезал Молчанова-младшего.

Баранов поименно перечислил своих друзей и друзей Кузнецова, компания получилась довольно большая: братья Молчановы (Аркадий и Василий), братья Шаньгины (Александр и Павел), Иван Бахарев, Анатолий Мерзляков. Рассказывая о совместном времяпровождении и проделках, Сергей опрометчиво упомянул о том, что они иногда промышляли кражами голубей, а кроме того, однажды обобрали какого-то пьяного мужичка, взяли у него серебряные часы и 6 рублей денег. Кто тянул Баранова за язык, непонятно, но, как увидим из дальнейшего, эта мимоходом брошенная фраза повлекла за собой самые неприятные последствия.

Допрос Сергея Баранова был проведен 20 июля. В момент его вызова на допрос милицейский патруль увидел в прихожей коммунальной квартиры большой нож с ножнами, на который Сергей разрешения не имел. Нож был изъят и передан в уголовный розыск. Домой Баранов в тот день не вернулся, сначала ему объявили о временном задержании, а на следующий день подвергли аресту, как, впрочем, и его дружка Василия Кузнецова, 1919 года рождения, работавшего слесарем в гараже аптекоуправления. Кстати, тем же самым 21 июля было датировано

постановление об избрании меры пресечения для Михаила Андреевича Грибанова, дедушки убитой девочки, который де-факто был взят под стражу еще 19 числа.

Аресты Баранова и Кузнецова были связаны с тем, что у следствия оформилась очередная – уже третья по счету – версия преступления, согласно которой Герду Грибанову «на почве низменных побуждений» (так в постановлении об аресте) убила группа молодых людей в составе Сергея Баранова, Василия Кузнецова и, возможно, иных, ещё не установленных лиц.

Глава II. У Дмитриева стопроцентная раскрываемость!

К середине 1938 г. сотрудники Свердловского областного Управления НКВД делом доказали Партии и Советскому правительству свою бдительность, компетентность и безусловную преданность делу Ленина-Сталина. Не в последнюю очередь это стало возможным благодаря неустанной работе на ответственном посту руководителя областного управления товарища Дмитрия Матвеевича Дмитриева, комиссара государственной безопасности третьего ранга, получившего это звание в числе первых после его учреждения.

Родившийся в 1901 г. Мейер Менделеевич Плоткин после Октябрьского переворота 1917 года подался в еврейскую социал-демократическую партию «Поалей Цион», однако вовремя сориентировался в быстро меняющейся обстановке и уже в 1921 г. вступил в РКП (б). К тому моменту он уже стал Дмитрием Матвеевичем Дмитриевым и, отслужив в войсках ВЧК, перешел в крупнейшую спецслужбу тогдашней Советской России – Главное политическое управление (ГПУ). С 1922 г. его жизнь более чем на 10 лет оказалась связана с обеспечением экономической безопасности государства. Уже в августе 1924 г. он попал в штат центрального аппарата ОГПУ и возглавил отделение в составе Экономического отдела (ЭКО). В ноябре 1931 г. Дмитриев-Плоткин стал помощником начальника отдела. Это была уже заметная должность в масштабах Наркомата и весьма важная, поскольку в годы коллективизации и индустриализации обеспечение безопасности государства в сфере экономики, торговли и финансов сделалось одним из условий успеха проводимых масштабных преобразований.

Дмитриев-Плоткин оказался на высоте предъявляемых требований. Это был, безусловно, неглупый человек, имевший необходимое образование (еще до службы в войсках ВЧК он закончил екатеринославское коммерческое училище). Кроме того, Дмитрий Матвеевич быстро наработал необходимые для контрразведчика специальные знания и опыт.

Дмитриев принял участие во многих резонансных расследованиях своего времени, сейчас, правда, уже подзабытых. Например, он участвовал в разоблачении антигосударственной деятельности известной в конце 1920-х гг. концессионной компании «Лена-Голдфилд лимитед». Сейчас эту компанию назвали бы совместным предприятием. «Лена-Голдфилд» взяла в разработку золотоносные участки в районе реки Лена, на Алтае и около Ревды (в 50 км западнее Свердловска), однако, так и не развернув толком добычу, принялась кланяться у Советского правительства разного рода дотации, компенсации и т. п. Для лоббирования своих интересов компания активно привлекала высокопоставленных чиновников, которые выходили на уровень государственного руководства. В конце концов, в ОГПУ возникли подозрения, что «Лена-Голдфилд» вовсе не стремится заниматься хозяйственной деятельностью, а лишь является ширмой для глубокого проникновения иностранных разведок в различные регионы страны и органы власти всех уровней. В апреле-мае 1930 г. уголовно-судебная коллегия Верховного суда СССР осудила четырех работников компании за шпионаж и подрывную деятельность. До сих пор следственные материалы по делу «Лена-Голдфилд» засекречены, и есть основания думать, что тогда ОГПУ действительно пресекло серьезную операцию британской разведки.

Другая не менее шумная история, в которую по долгу службы оказался вовлечен Дмитрий Дмитриев, была связана с английской компанией «Метрополитен-Виккерс», поставлявшей и монтировавшей в СССР разнообразное электротехническое оборудование. В начале 1930-х гг. советская госбезопасность заподозрила работников этой компании в разнообразной по формам и целям подрывной деятельности: сборе разведывательной информации, поставках некачественного оборудования, созданию изощренных коррупционных схем, вербовке советских граждан с целью последующего привлечения к работе в интересах британской разведки и т. п. Судебный процесс над большой группой сотрудников компании проходил в Верховном суде СССР и закончился в апреле вынесением приговоров 6 английским подданным

и 12 гражданам Советского Союза. Процесс наделал очень много шума как внутри страны, так и за рубежом. Сталину даже пришлось написать статью для американской прессы, в которой он разъяснял сущность обвинений в адрес «Метрополитен-Виккерс» и защищал методы работы советской госбезопасности.

А защищать было что, поскольку один из осужденных англичан при встрече с адвокатами заявил о том, что работники ОГПУ допрашивали его без перерыва 21 час. Правда, все подсудимые – в том числе и иностранцы – признали, что на допросах методы физического воздействия к ним не применялись. Лишение сна к пыточным мерам, очевидно, не приравнивалось. Летом 1933 г. осужденные англичане подали прошения о помиловании, в которых признали собственную виновность. События, связанные со следствием по делу «Метрополитен-Виккерс», до известной степени проливают свет на любопытный феномен «признания собственной вины», который ставит в тупик многих исследователей московских открытых процессов и «Большого террора». Как видим, после допросов следователями советской госбезопасности вину признавали не только деятели внутрипартийной оппозиции, военнослужащие и обычные советские граждане, но и иностранцы. Не в последнюю очередь это происходило благодаря профессиональным навыкам таких руководителей, как Дмитрий Дмитриев.

К концу 1934 г. профессиональные навыки Дмитрия Матвеевича ценились коллегами с Лубянки столь высоко, что Дмитриев попал в состав следственной бригады, отправленной из Москвы в Ленинград для расследования убийства Кирова. Там состоялось его близкое знакомство с будущим наркомом внутренних дел Николаем Ивановичем Ежовым, являвшимся в то время членом Оргбюро ЦК ВКП (б) и курировавшим расследование по партийной линии. Дмитриев своей интеллигентностью и обстоятельностью в делах произвел настолько хорошее впечатление на Ежова, то тот разрешил ему проводить допросы главного преступника – Леонида Николаева. Без физического воздействия и запугиваний Дмитриев уговорил истеричного убийцу дать такие показания, которые полностью отвечали задачам следствия, в результате чего Николаев отправился на тот свет не в одиночку, а в большой компании соучастников мнимого заговора.

По прошествии 10 месяцев Дмитриев стал старшим майором государственной безопасности. Это было специальное звание высшего командного состава НКВД, соответствовавшее званию комдива в армии. Вскоре, в октябре 1936 г., Дмитриев получил только что учрежденное звание комиссара госбезопасности третьего ранга. В тогдашнем НКВД такие звания или старше имели всего 36 человек. Дмитриев оказался в числе той узкой прослойки высших чиновников госбезопасности, которые начинали и деятельно проводили политику «Большого террора», отдавая себе полный отчет в том, что же именно они делают.

В середине июля 1936 г. Дмитрий Матвеевич удостоился в высшей степени ответственного назначения. Ему поручили возглавить Управление НКВД по Свердловской области, огромному быстрорастущему промышленному узлу на Среднем Урале. С военно-стратегической точки зрения это был регион с огромными перспективами, расположенный, в отличие от Московского и Ленинградского промышленных районов, в глубоком тылу. Перемещение из Москвы на Урал вовсе не являлось для Дмитриева опалой, скорее наоборот, – это было свидетельство высокого доверия к нему Партии и Правительства. Дмитриеву разрешили сохранить роскошную квартиру в Москве на Тверском бульваре в доме №20, что вообще-то было против практики номенклатурных перемещений, но к тому времени большевики уже смело нарушали правила, которые сочиняли для других. Сохранение квартиры свидетельствовало о том, что перевод в Свердловск всего лишь временная командировка, после выполнения которой обязательно последует возвращение в столицу.

Единственное известное официальное изображение Дмитрия Матвеевича Дмитриева связано с его избранием в депутаты Верховного Совета СССР. Фотографии депутатов с указанием адреса и времени работы их общественных приёмных традиционно размещались в советских газетах. Такие заметки, пожалуй, предоставляли простым людям единственную возможность узнать кто же именно представляет их в высшем органе «народной» власти. Разумеется, проводились ещё символические встречи с избирателями, но крупные руководители и партфункционеры, как правило, приезжали на такие встречи всего один раз, сугубо для «галочки», дабы их не упрекнули в том, что они самоустранились от выборов. В дальнейшем на эти встречи катались их доверенные лица, что только лишний раз доказывает кафкианский абсурд выборов с единственным кандидатом «от нерушимого блока коммунистов и беспартийных». Забавно, что уральские газеты публиковали сообщения об изменении адреса приёмной «депутата Верховного Совета СССР Дмитриева Д. М.» даже после его ареста. Поскольку арест видного чекиста произошёл в Москве, то уральские журналисты узнали о нём с некоторой задержкой...

По-видимому хорошо осведомленный о деталях чекистского закулисья, Дмитриев с самого начала представлял, чем же именно ему придётся заниматься. Хотя до начала «Большого террора» 1937 года оставался целый год, о связях первого секретаря Свердловского обкома ВКП (б) Ивана Кабакова с Георгием Пятаковым, крупным деятелем троцкистской оппозиции, в недрах НКВД уже было известно, и Дмитриев перед отъездом получил негласное указание Ежова не сближаться с Кабаковым и его людьми.

Дмитрий Матвеевич отправился в столицу Урала большим баринком в собственном салон-вагоне, с собственным (точнее, служебным) «паккардом» на грузовой платформе, с горничной и поваром. Взял он с собой из Москвы и проверенных в деле помощников – Наума Яковлевича Боярских (встречается и другое написание его фамилии – Боярский), Даниила Михайловича Варшавского, Якова Шахновича Дашевского, Семёна Александровича Кричмана и Михаила Борисовича Ермана. Особым доверием Дмитриева-Плоткина пользовался Наум Боярских, который формально возглавил секретариат начальника управления, а фактически выполнял обязанности адъютанта и распорядителя по всем служебным вопросам и организации личного быта начальника. Боярских был почти на 7 лет старше Дмитриева, и последний имел привычку советоваться с ним по всем вопросам. Не будет ошибкой сказать, что этот человек делит со своим начальником всю ответственность за чудовищные репрессии, устроенные Дмитриевым в 1937—1938 гг. в Свердловске и Свердловской области. Еще одним ответственным за кровавый беспредел тех лет, безусловно, являлся Яков Дашевский, возглавивший

Оперативный отдел управления, важнейший с точки зрения повседневной работы аппарата госбезопасности.

Дмитриев со своими присными, безусловно, принадлежал к категории тех бессовестных сотрудников НКВД, которых с полным основанием можно назвать циниками и садистами. Но, положив руку на сердце, нельзя не признать того, что многие из отправленных ими в расстрельные ямы, были ничуть не лучше и вряд ли заслуживали иного к себе отношения.

Среди наиболее известных жертв Дмитрия Матвеевича следует назвать упомянутого выше первого секретаря Свердловского обкома ВКП (б) Ивана Дмитриевича Кабакова, человека в свое время очень известного.

Первый секретарь Уральского обкома ВКП (б) жил в Свердловске настоящим королем. С 1928 г., когда его назначили председателем Уральского облисполкома, он сделался одним из важнейших государственных функционеров на просторах этого богатейшего региона. А после того, как в 1929 г. стал руководителем парторганизации, Кабаков превратился, без преувеличения, в безраздельного хозяина. То есть существовало, конечно, где-то там, далеко в Кремле фантастическое Политбюро и не менее фантастические органы власти вроде Совета Народных Комиссаров и Всесоюзного Центрального Исполнительного Комитета, но здесь, на земле, в горах, лесах Предуралья, Урала и Зауралья, власть олицетворял персонально товарищ Кабаков. Неслучайно производное от его фамилии понятие «кабаковщина» на долгие десятилетия превратилось для жителей уральского региона в синоним беспредела, произвола и самодовольного барства.

Перед нами зримое воплощение коммунистического внутривластного низкопоклонства и лестии – номер газеты «Пролетарий», издававшейся в уральском городке Надеждинск, со статьёй, посвященной переименованию Надеждинска в Кабаковск. Как несложно догадаться, с фотографией самого виновника торжества. Постановление Малого Президиума Уральского областного исполнительного комитета об этом переименовании было принято 19 января 1934 г., к пятилетнему юбилею утверждения Дмитрия Кабакова в должности Первого секретаря Уральского обкома ВКП (б). Никого из авторов этого препохабнейшего Постановления не смущали ни ничтожность повода торжества, ни режущее слух русского человека своей идиотичностью новое название города, ни очевидная нескромность местного партийного вожжака. Тот самый случай, когда одно изображение стоит тысячи слов...

Сейчас, когда стенограммы многих партийных совещаний, конференций и пленумов перестали быть тайной, мы знаем, что бывший сормовский рабочий и «защитник эксплуатируемых классов» Иван Кабаков принадлежал к наиболее оголтелому и беспощадному крылу ЦК ВКП (б), требовавшему максимального ограничения свобод рабочих и крестьян. Крыло этих наиболее ретивых строителей коммунизма в отдельно взятой стране возглавляли крупнейшие партийные функционеры Эйхе и Варейкис, и хотя в партийной номенклатурной иерархии уровень Кабакова был несколько ниже упомянутых товарищей, голос его звучал весьма звонко и напористо. Иван Дмитриевич требовал не выпускать ссыльнопоселенцев из мест их размещения после окончания срока ссылки, настаивал на необходимости ограничения свободы перемещения крестьян-единоличников, не вступивших в колхозы, более того, Кабаков оказался в числе тех, кто ратовал за принудительное «прикрепление» крестьян к колхозам, в том числе и посредством невыдачи им паспортов. Впоследствии все эти перегибы колхозного строительства с легкой руки Н. С. Хрущева стали связывать с именем Сталина, и определенная логика в этом есть, поскольку никакие серьезные решения по вопросам государственного и экономического строительства без санкции Сталина не принимались, но это лишь полуправда. Правда же заключается в том, что инициаторами введения в советских колхозах крепостного права являлись очень многие видные коммунистические функционеры, а вовсе не Сталин единолично.

Чтобы яснее представить экономические реалии, в которых оказался уральский регион в 1930-х гг. – а это важно для восприятия последующего повествования, – следует сделать небольшое отступление. Оно тем более необходимо, что далее по тексту нам не раз и не два придется касаться всевозможных бытовых нюансов, связанных с укладом жизни рядовых свердловчан. Без понимания экономических условий и бытовых реалий тогдашнего времени некоторые аспекты повествования могут оказаться попросту непонятны современному читателю.

Начиная с 1927 г. население Советского Союза с каждым годом все туже затягивало пояса и, казалось, конца и края этому процессу не будет. Причиной неотвратимого погружения в нищету абсолютного большинства населения явился курс на сверхбыструю индустриализацию, взятый сталинским Политбюро, и сопутствующие этому процессу перегибы, прежде всего, огромный экспорт зерна за границу, превышавший экономические возможности не восстановившегося после Гражданской войны сельского хозяйства. В следующем 1928 г. в стране начался голод и стихийный переход регионов на снабжение по карточкам. Политбюро ЦК ВКП (б), руководствуясь принципом «не можешь остановить процесс – возглавь его!», разрешило в декабре 1928 г. в качестве «эксперимента» ввести продовольственное снабжение по карточкам в Ленинграде, а уже 14 февраля 1929 г. эта практика была распространена на весь Советский Союз в директивном порядке. Страна погружалась в голод безостановочно и неотвратимо и для того, чтобы избежать острейшего дефицита продуктов, необходимо было системно пересмотреть подход к сверхиндустриализации. Рассчитывать на это не приходилось, экспорт зерновых только рос – в 1930 г. было вывезено 4,8 млн. тонн, в 1931 – 5,2 млн. тонн. А потому неудивительно, что неурожайные 1932 и 1933 гг. привели к чудовищному голоду, вошедшему в историю страны под названием Голодомор.

В условиях глобальной нехватки продуктов питания остро проявилось падение покупательной способности рубля и исчезновение из оборота серебряной монеты. В июле 1930 г. серебряные монеты повсеместно пропали даже в Москве. Неудивительно, что в январе 1932 г. Политбюро приняло решение отказаться от их чеканки. Но монеты – это лишь грозный символ экономического коллапса, в конце концов, люди едят не драгоценные металлы, а мясо, хлеб и молочные продукты. А с продуктами становилось хуже с каждой неделей. В 1929 г. хлеб и молочные продукты распределялись по карточкам, а в июле 1930 г. пришлось законода-

тельно вводить нормированное потребления мяса. Большевики подошли к решению проблемы с воистину иезуитским формализмом и в присущей им казуистической манере.

В стране вводились 4 нормы потребления – одна «особая» и три номерных (первая, вторая и третья). «Особая» норма, цинично назначенная рабочим Москвы, Ленинграда, шахтерам, рабочим горячих и металлургических цехов, предполагала получение в столовой 200 гр. мяса в течение 20—22 дней в месяц (эти дни назывались «мясными»). Служащие тех же производств получали половину от нормы рабочих, то есть по 100 гр. в «мясной» день. «Первая» категория, в которую попадали и рабочие Свердловска, предусматривала получение 150 гр. мяса в течение 15 дней в месяц. Как видим, уменьшалась как мясная норма, так и время, в течение которого она обеспечивалась. Служащие, снабжавшиеся по «первой» категории, получали 75 гр. мяса в «мясной» день, но для них число этих дней было сокращено до 10. «Вторая» и «третья» категории нас сейчас не интересуют, поскольку они были еще ниже.

Понятно, что люди не получали нелепые граммы в столовой – они собирали талоны и меняли их на какие-то более-менее заметные порции. В последующие годы мясные нормы уменьшались, а кроме того, во многих местах мясо частенько заменялось рыбопродуктами. Необходимо отметить, что подавляющая часть централизованно распределявшихся продуктов – половина и более – потреблялась двумя основными промышленными и политическими центрами СССР – Москвой и Ленинградом. Остальные промышленные центры снабжались по остаточному принципу. Цинизм установленной большевиками системы продуктового распределения заключался не в том даже, что нормы были смехотворны, а в том, что питание распределялось среди сравнительно небольшого слоя населения. Мясные карточки получали не более 14 млн. жителей Советского Союза. Их были лишены крестьяне и так называемые «лишенцы», к которым относились 12 категорий населения, не получивших от советской власти избирательного права (священнослужители, дореволюционные чиновники, военнослужащие, полицейские и т. п., а также члены их семей).

Попали в разряд «лишенцев» и так называемые «кулаки» – зажиточные крестьяне-единоличники, имевшие в личных хозяйствах тягловую силу, сельхозинвентарь, посевной материал и оборотные денежные средства, позволявшие вести дела без оглядки на государство. Кулаки давали основную массу товарного зерна и технических культур, потребных стране, фактически они образовывали стержень всего сельского хозяйства. Большевики расценивали кулаков как классовых врагов, как мелкобуржуазную стихию, которую необходимо преодолеть для построения в деревне истинно социалистических отношений. Победить кулака экономическими методами коммунисты не могли – их колхозы и совхозы проигрывали соревнование частному землепользователю, несмотря на госдотации, лизинг сельхозтехники и распоряжение лучшей землей. Затеянная большевиками в 1929—1930 гг. сплошная коллективизация преследовала цель уничтожить кулаков путем открытых репрессий, попутно ограбить и под шумок всей этой оголтелой кампании изъять у советской деревни остававшееся у частных владельцев зерно. Зерно нужно было для экспорта, как было упомянуто выше, за него выручали валюту, потребную для сверхиндустриализации. Экспорт зерна оставался стабильно высоким даже во времена чудовищного голода 1932—1933 гг., впервые объемы вывоза продовольствия за рубеж были заметно снижены лишь в 1934 г. Большевики провели пресловутое «раскулачивание» ударными темпами, отняв у зажиточных крестьян движимое и недвижимое имущество без всяких компенсаций и отправив самих владельцев в ссылку. Районами ссылок были выбраны 10 малонаселенных регионов с неблагоприятным климатом, в том числе и Уральская область. Ссылаемых кулаков, превратившихся в одночасье в нищих и совершенно бесправных людей, называли «ссылнопоселенцами». На Урал прибывали переселенцы из Европейской части Советского Союза – из Украины, Белоруссии, Центрального черноземья, северо-западных областей (это были так называемые «ссылнопоселенцы» 1-й и 2-й категории). Кроме высланных из других регионов, существовали и «ссылнопоселенцы» 3-й категории – к ним

относились кулаки, коренные жители Уральского региона, которых во время коллективизации изгоняли из мест проживания в малообжитые северные районы.

В августе-сентябре 1930 г. первые 10,5 тысяч человек ссыльнопоселенцев 3-й категории отправились на Хибинские апатитовые разработки, а также в северные округа на торфодобычу, в каменоломни и на крупные стройки. Процесс грабежа кулаков понравился всем – и коммунистическим вождям, и сельской бедноте, ведь ломать и грабить во все времена было делом нехитрым. Процесс «подавления кулачества как класса» продолжился и в 1931 г., за первые 6 месяцев которого на предприятия трестов «Ураллес» и «Уралплатина» были направлены еще 9,2 тысячи семей раскулаченных. В этой связи требует разъяснения важный момент, который может быть не до конца ясен современному жителю России – раскулаченные не получали за отнятое имущество никакой компенсации и им не разрешали брать с собой сколько-нибудь ценные вещи. При этом поджог «кулаком» собственного имущества или убой скота расценивался как теракт, за первые 9 месяцев 1931 г. ОГПУ зафиксировало на территории Уральской области 228 терактов в сельской местности. В большинстве своем это были поджоги раскулаченными собственных домов, надворных построек, порча сельхозинвентаря, забой принадлежавшего им скота и т. п. действия негодующих людей, возмущенных откровенным грабежом, учиненным советской властью. С уничтожением кулаков, представлявших из себя самый энергичный слой сельских тружеников, коллективизация на Урале пошла стремительными темпами.

Уральский обком ВКП (б) пафосно рапортовал в Москву об успехах социалистического строительства на селе: на 1 января 1931 г. было коллективизировано 32,8% крестьянских хозяйств, а через полгода, к 1 июня – уже 60,6%. Как было отмечено выше, помимо местных кулаков в регион прибывали и ссыльнопоселенцы из других мест Советского Союза. За 3 полных года (с 1931 по 1933) на предприятия Урала прибыли и стали на учет 302,2 тысячи раскулаченных и членов их семей. Формально они не были осуждены, поскольку не совершали никаких преступлений, но положение их во многом оказывалось даже хуже, чем у лагерных узников. Очень часто раскулаченные не имели ничего, что помогло бы обосноваться на новом месте, поскольку при изгнании из мест проживания у них зачастую отнимали даже носильные вещи и обувь, говорили, что все необходимое они получают на месте. Действительно, что-то они получали, например, в 1930—1931 гг. на каждого члена семьи ссыльнопоселенца полагалось такое вот довольствие по карточкам: муки – 6 кг/мес., крупы – 0,6 кг/мес., рыбы – 2,25 кг/мес., сахара – 180 гр./мес., чайного напитка – 90 гр./мес., хозяйственного мыла – 150 гр./квартал, печеного хлеба – 3/4 фунта в день (340 гр. в сутки). Карточек на мясо раскулаченные не получали, хотя работали на самых тяжелых и вредных работах. Кстати, даже эти убогие нормы не выдерживались, так, в 3 квартале 1931 г. Наркомснаб СССР произвольно уменьшил на 1/3 фонд рыбы, направляемой ссыльнопоселенцам (регулярные перебои возникали и с сахаром – это, кстати, вообще был один из дефицитнейших товаров, наряду с чрезвычайно популярной в народе махоркой). Сравните продуктовый набор спецпереселенца с нормами снабжения жителей блокадного Ленинграда! И если ленинградцев на грань голодной смерти во время войны поставил беспощадный враг, то как следует называть власть, проделавшую то же самое десятью годами ранее со своими гражданами, вся вина которых заключалась лишь в том, что они много работали и жили зажиточнее других?!

Формально раскулаченные не считались осужденными, хотя были лишены свободы перемещения и не имели документов. Поскольку они работали на промышленных объектах, им выплачивали заработную плату, с которой удерживалось до 40% на разного рода принудительные отчисления. Произвол административного руководства в отношении ссыльнопоселенцев достиг таких пределов, что в какой-то момент встревожил даже кремлевских бонз. С 1 июня 1931 г. постановлением Совета Народных Комиссаров максимальный предел отчислений с зар-

плат ссыльнопоселенцев был ограничен 25%, а с 1 августа понижен до 15%. Тем не менее эти косметические меры мало влияли на чрезвычайно тяжелое положение раскулаченных.

Полная безысходность толкала их на побег. Как было упомянуто выше, Уральский регион в период 1931—1933 гг. принял 302,2 тысячи ссыльнопоселенцев всех категорий, так вот, в то же самое время 237 тысяч человек из их числа предприняли попытки побега. Органам ОГПУ удалось отыскать 68 тысяч беглецов, остальные же по состоянию на 1 января 1934 г. находились в бегах и, по-видимому, сумели легализоваться по поддельным документам. Понятно, что эти люди, с одной стороны, энергичные и толковые, а с другой – обозленные и безденежные являлись рассадником самого серьезного криминала.

Первая половина 1930-х гг. была страшным временем. Без всяких преувеличений. Но об этом сейчас не принято вспоминать, трагедию тех лет заслонил «Большой террор», а кроме того, безумные экономические новации той поры принято оправдывать успехами индустриализации и последующей победой в Великой Отечественной войне. Впрочем, речь сейчас не о будущей чудовищной войне, а голоде начала 1930-х гг.

В условиях жесткого дефицита продуктов питания, в которых оказалась вся страна, партийное руководство обеспокоилось обеспечением лояльности низовых функционеров. Было принято решение ввести специальные закрытые распределители для номенклатурных работников районного уровня и выше. По первоначальному замыслу кремлевских мечтателей в каждом районе страны к такому распределителю должны были «прикрепляться» 20 работников партийного и советского аппарата, поэтому первоначально эти тайные магазины получили название «закрытые распределители двадцатки». Эти оазисы сытой жизни появились в стране Советов благодаря постановлению Наркомснаба СССР от 28 ноября 1931 г. под чарующим номенклатурный слух названием «О продовольственном снабжении районных руководящих работников». А уже через неделю – 5 декабря 1931 г. – последовало логическое развитие содержания этого документа. Речь идет о постановлении Совета Народных Комиссаров СССР «О продовольственном снабжении и лечебной помощи районным руководящим работникам». Последнее постановление, как явствует из названия, помимо продовольственного снабжения, рассматривало вопросы медицинской помощи и санаторно-курортного лечения номенклатурных работников низшего звена. Очень скоро число «прикрепленных» к распределителям лиц превысило заявленную цифру в 20 человек и указание на их число исчезло из названия распределителей. Они стали просто «закрытыми распределителями». Скромненько и со вкусом! Считалось, что практика получения продуктов питания и промтоваров из «закрытых распределителей» – это временная мера, которая отпадет сама собой после отмены карточной системы. Этого, разумеется, не случилось, советская номенклатура оказалась подобна паразиту, которого можно было уничтожить лишь с убийством организма-носителя. Руководящие работники не хотели жить в тех убогих условиях, на которые они обрекли весь народ, а потому подлая система получения продуктов из «закрытых распределителей» просуществовала вплоть до распада Советского Союза. Нельзя не признать, что советская партийно-государственная номенклатура в смысле барских замашек вообще демонстрировала позорную слабость и поразительную нескромность. Революционные люмпены, с садистским удовольствием расстреливавшие имперское дворянство в годы Гражданской войны и после, очень скоро усвоили нравы и повадки классовых врагов. Разница между большевиками и дореволюционными аристократами была лишь в том, что последние создавали комфорт за счет собственных средств, а первые беззастенчиво финансировали самих себя из пресловутых общественных фондов потребления. Ну, конечно, существовала еще и разница в образовании и культуре. Была эта разница, разумеется, не в пользу косноязычных трибунных демагогов, но на фоне тотального ограбления страны и народа, устроенного большевистским царством Хама, данный порок можно считать наименьшим из коммунистических грехов.

Иван Дмитриевич Кабаков. Рисунок из газеты «Магнитогорский рабочий». Художник явно польстил партийному лидеру, придав лицу толику совсем несвойственной Кабакову интеллигентности. В повседневной жизни Первый секретарь обкома, предпочитавший бриться под «ноль», своими внешностью и манерами скорее походил на недавно «откинувшегося» уголовника, нежели на руководителя крупного региона. Художник скруглил вытянутое лицо Кабакова, обозначил причёску, несколько уменьшил тяжеловесную челюсть. Склонность улучшать внешность руководителей посредством карандаша и ластика демонстрировали коммунисты всех поколений – от ленинского, до горбачёвского.

Кабаков явился замечательным представителем партийной номенклатуры, в том смысле, что он всей своей жизнью с кристальной чистотой выразил идею «Грабь награбленное». Достаточно сказать, что провозглашая «мир – хижинам, войну – дворцам», Иван Дмитриевич в годы ужасного голода 1930-х гг. с упоением занимался строительством собственного дворца на острове Репный посреди Шитовского озера в 40 км севернее Свердловска. Согласитесь, что милая трехэтажная постройка с винным погребом, крытым танцполом, банкетным залом с двумя эркерами (выходившими в лес и на озеро), баня с четырьмя печами, забор с лепными украшениями, Т-образный пирс с двумя восьмигранными беседками и лестница от пирса к дому шириною 5 метров, обложенная белым мрамором, как-то мало соответствуют тому, что в Советской России было принято называть дачей. Чтобы обслуживающий персонал не запускать глаза в интимные детали личной жизни первого секретаря обкома, дом коменданта был построен не на острове, а на берегу. Там же располагался и барак для трёх семей обслуживающего специальный объект персонала. На берегу находился и дизель-генератор, вырабатывавший электричество для объектов на острове и запитывавший их по подводному кабелю. Впрочем, на острове имелся и резервный генератор, находившийся в особом флигеле, а также дом охраны на 8 комнат и насосная станция с бойлерной, обеспечивавшая давление в местном водопроводе и системе отопления. Всё местное население из района озера было удалено. И это правильно, незачем местным нищebroдам наблюдать за вечерними прогулками на ялах, слушать романсы под гитару и подсматривать из леса за танцами гостей товарища первого секретаря. Так могут созреть разного рода террористические замыслы и мозолистые руки крестьян, глядишь, потянутся сами собой к закопанным в огородах винтовкам и обрезами... К озеру была проложена отдельная дорога, въезд на которую преграждал КПП. В общем, уставшему от серых будней секретарю обкома унылого промышленного центра было где порезвиться, станцевать, поплавать на лодке с красивой женой, прогуляться по лесу с любимыми дочерьми, пострелять дичь с друзьями и товарищами по суровому партийному поприщу.

И вполне возможно, что в то самое время, когда сотрудники милиции бдительно конфисковывали растительное масло у бедолаги Леонтьева, о чем упоминалось в предыдущей главе, секретарь обкома, спускаясь по мраморной лестнице к пирсу, сосредоточенно размышлял над тем, как ещё улучшить жизнь простого советского человека в безобразном, убогом, отвратительном промышленном центре с непроносимым названием Свердловск? В этом месте невозможно удержаться от того, чтобы не процитировать Леонида Филатова: «Утром мажу бутерброд – сразу мысль: а как народ?»

Иван Дмитриевич Кабаков.

В общем, товарищ Кабаков обустроил быт отдельно взятого себя с большевистской скромностью, точнее, сообразно собственному пониманию этой самой скромности... Верх-Исетскому металлургическому комбинату, педагогическому и металлургическому институтам, Синарскому труболитейному заводу и множеству менее значительных объектов было присвоено имя Кабакова, город Надеждинск был переименован в Кабаковск. Впоследствии, после того как Ивана Дмитриевича расстреляли, последовала волна повторных переименований. Кабаковск, например, получил имя Серов, в честь известного в ту пору летчика. В этих переименованиях есть нечто постыдное и inferнальное, что-то за гранью здравого смысла, абсурдное. Задумайтесь только на секунду: сначала большевики пафосно призывали жителей гордиться тем, что они живут в славном городе Кабаковске, а через несколько лет сделали это слово запретным. В этих изменениях политических суждений на прямо противоположные есть нечто шизофреническое, ибо нормальным людям так вести себя несвойственно. Но для большевистской власти и пропаганды тех лет подобные обезьяньи прыжки из крайности в крайность являлись нормой.

Несмотря на барство и личную нескромность, Кабаков долгое время оставался в фаворе у Сталина, который всячески подчёркивал свое к нему расположение. В январе 1934 г. Кабаков был избран в президиум XVII съезда ВКП (б), а в декабре 1935 г. вместе с председателем обл-исполкома Василием Головиным удостоился ордена Ленина, высшей государственной награды Советского Союза.

Нетрудно догадаться, что, глядя на первого секретаря обкома, в меру служебных возможностей и доступа к ресурсам облагораживали свой быт и чиновники рангом пониже. Тем более что после упомянутых выше постановлений Наркомснаба и Совета Народных Комиссаров для этого появились вполне законные основания. Но, как известно, аппетит приходит во время еды, поэтому разрешенные оклады и нормы потребления быстро перестали устраивать раде-

телей за народное благо. Для удовлетворения растущих потребностей себя самого и ближайшего окружения секретарь обкома пустился в откровенные финансовые махинации. Так, например, через Свердловскую городскую лечебную комиссию, созданную для обслуживания номенклатурных работников, был организован регулярный перевод денег якобы на лекарства и лечение особо больных товарищей. Год от года выплаты росли, в 1934 г. расходная часть Лечкома превысила доходную в 7 (!) раз. Как закрывался кассовый разрыв? Да очень просто. Деньги переводились со счетов крупных строек и промышленных предприятий, директора которых участвовали в их последующем «распиле». Помимо выплат со счетов Лечкома, Кабаков и его присные получали деньги из специального секретного фонда, которым распоряжался упоминавшийся председатель облизполкома Василий Головин. Разумеется, распоряжался не единолично, а по согласованию со старшим товарищем Иваном Дмитриевичем (кстати, за владение этой «кубышкой» осведомленные номенклатурные товарищи называли Головина за глаза «Кошельком»). Само собой, номенклатурные работники не отказывали себе в разного рода расходах, которые можно было списать на административно-организационные нужды обкома партии. По итогам 1935 г. перерасход по этой статье партийного бюджета составил 226 тысяч рублей. Поездки в Крым и на Кавказ смело «проводились» по бухгалтерским документам как командировки, бояться было нечего, ведь Иван Дмитриевич Кабаков своих не сдавал!

Помимо разного рода приписок и бухгалтерских фокусов, кабаковские ставленники не брезговали и прямыми хищениями. Выше уже описывалось драматичное состояние дел в Уральском регионе со ссыльнопоселенцами, но Кабаков и его люди проблему не замечали в упор. Наркомфин целевыми переводами направлял деньги предприятиям на оплату труда раскулаченных, но эти средства систематически расходовались на иные нужды. ОГПУ в циркуляре №45 от 11 июня 1934 г. «О недочётах в работе со спецпереселенцами» особо отметил, что задолженность по выплате зарплат спецпереселенцам составляет 4—5 месяцев, а в отдельных случаях достигает 10 месяцев. В Свердловской области общая сумма невыплаченных спецпереселенцам денег на тот момент достигала 962 тысяч рублей – эти средства были зачислены на баланс предприятий, но по прихоти руководства оказались растрачены на что угодно, кроме зарплаты раскулаченным труженикам. Кстати, по абсолютной величине этой цифры Уральский регион оказался на втором месте в Союзе, пропустив вперед лишь Западно-Сибирский край, там обнаглевшая коммунистическая номенклатура воровала ещё больше.

Несмотря на отчаянно тяжелое положение с продовольственным снабжением населения, государственное руководство продолжало зерновой экспорт на протяжении всех 1930-х гг., и даже в пору голода 1933 г. за пределы страны было вывезено около 1,7 млн. тонн зерна. Опасаясь повторения голода на следующий год, Политбюро ЦК согласилось уменьшить зерновой экспорт в 1934 г. более чем в два раза. Наряду с хорошим урожаем это помогло стабилизировать ситуацию и даже создало иллюзию относительного благополучия. В стране стали массово открываться магазины коммерческой торговли, в которых продукты хотя и стоили в 7—10 раз дороже, чем в государственных «карточных» магазинах, зато для их приобретения продуктовые карточки были не нужны. Свою лепту в улучшение ситуации на продовольственном рынке внесли предприятия пищевой, холодильной, консервной промышленности, созданные в годы первой пятилетки. В 1933 г. в стране запустили первый завод по производству сухого льда, появилось первое советское мороженое, сухое молоко, различные рыбные и фруктовые консервы, начался массовый выпуск промышленных рефрижераторов, что позволило заметно уменьшить потери продуктов при транспортировке и хранении. Политическое руководство страны стало склоняться к мысли о необходимости скорейшей отмены карточной системы, и этот вопрос стал центральным на ноябрьском пленуме ЦК ВКП (б) 1934 г. Предполагаемая отмена карточной системы встретила неожиданное противодействие многих партийных функционеров, не желавших терять эффективный инструмент принуждения к труду

и управления массами. Известно, что на пленуме развернулась полемика по этому вопросу, в которой неоднократно брал слово Сталин, однако ничего из сказанного тогда не опубликовано до сих пор. Видимо, руководящие работники в полемическом кураже допустили столько людоедских признаний, что даже спустя десятилетия их невозможно огласить без серьезного репутационного ущерба.

Тем не менее с 1 января 1935 г. карточки на хлебобродуцкты были официально отменены по всей территории Советского Союза, при этом отпускная цена на хлеб несколько увеличивалась и гарантировалось увеличение ассортимента. Распределение прочих продуктов: мяса, жиров и масла, сахара, а также промтоваров – сохранялось без изменения. Как это часто бывало у большевиков, даже доброе и полезное дело они сумели превратить в издевательство над народом и здравым смыслом. Открытая продажа хлеба, начавшаяся без ограничения с 1 января, сопровождалась всевозможными эксцессами – тысячными очередями, беспорядками и... нехваткой продуктов. Несмотря на то, что цены в свободной торговле стали выше той, что ранее покупатель платил при отоваривании карточек, весь хлеб сметался с прилавков в одночасье. Большинство не верило в полную отмену карточек и предпочитало покупать хлеб с запасом, для сушки сухарей. Кроме того, хлеб оставался прекрасным объектом спекуляции, хотя это и было уголовно наказуемо, поскольку существовала государственная монополия на хлебную торговлю. Тем не менее это не останавливало спекулянтов, ведь торговля хлебом сулила не только отличный барыш, но и стремительный оборот средств: купил в государственном магазине за «дешёво» – продал в коммерческом за «дорого» или отнёс на колхозный рынок и продал там еще дороже. По прибыльности спекуляция хлебом обгоняла спиртоводочную и лишь немного уступала торговле табаком и махоркой, последние все годы кризиса 1930-х гг. оставались лидерами рыночного спроса. И дело тут вовсе не в злонравных спекулянтах, а в соотношении спроса и предложения, в тех самых азах экономической науки, которые светила большевистской теории и практики так и не смогли постичь вплоть до распада Советского Союза.

Поскольку карточки с 1 января 1935 г. отменили, а хлеба если и стало больше, то ненамного, полки магазинов сами собой не наполнились. Громогласно обещанная и заранее анонсированная победа большевиков над дефицитом не состоялась! В этом надо было кого-то обвинить, поскольку советская власть собственной вины не признавала никогда и ни в чём. Ну в самом деле, не коммунисты же виноваты в бедах, передрягах и лишениях народа, коммунисты всегда желают народу добра, а потому во всём виноват кто-то другой! Сначала большевистские горланы-главари валили вину на неких абстрактных, но очень злобных спекулянтов, скупающих товары оптом при открытии магазинов. Потом виноватыми были названы недобросовестные работники торговли, которые якобы действуют в спайке со спекулянтами. Потом виноватыми были признаны крестьяне, которые сначала продают свои товары на колхозных рынках по высокой цене, а после этого скупают в государственных магазинах дешёвый хлеб. Было даже объявлено, что крестьяне скармливают купленный в городских магазинах хлеб скоту! Крестьяне при советской власти являлись де-факто самым страдающим классом, и они в очередной раз оказались виноваты в том, что кремлёвские фантазеры были неспособны ничего из задуманного осуществить нормально, без авралов, всевозможных эксцессов, без воплей о вредительстве и арестов.

Во многих регионах – в том числе и на Урале – в первом квартале 1935 г. начался стихийный процесс возврата к карточной системе и появились всевозможные ограничения на свободную продажу продуктов питания. Например, не продавали более 2 буханок хлеба в одни руки, не позволяли отовариваться крестьянам или лицам без паспортов и т. п. Казалось, карточки вот-вот возвратятся, однако не тут-то было! Отказ от снабжения по карточкам был политической установкой, призванной продемонстрировать успехи социалистического строительства, поэтому возврата к ним быть не могло ни при каких условиях. Напротив, дабы сделать процесс

более наглядным, было объявлено об отмене с 1 октября 1935 г. карточек на мясо, рыбные продукты, сахар и картофель. А с 1 января 1936 г. отменялось распространение по карточкам непродовольственных товаров.

17 ноября, выступая на Первом всесоюзном совещании стахановцев, Сталин произнес свою известную фразу: «Жить стало лучше, жить стало веселее!», – которая была призвана символизировать бесповоротное начало новой жизни советских людей, полной созидательного труда, разного рода удовольствий и, разумеется, сытой. Фраза эта, попав в песни, на плакаты, в газеты и кинофильмы, моментально стала своего рода жупелом, тем идеологическим штампом, который никем не мог быть поставлен под сомнение. Сталин дал своего рода добро на роскошь и развлечения, которое очень тонко уловила номенклатура. Собственно, никто тогда в нищей стране, кроме номенклатурных работников, не мог позволить себе роскоши и веселья.

В 1936 г. в крупнейших городах Советского Союза появились галантерейные и парфюмерные магазины, первые таксопарки с вызовом машин по телефону. Чиновники и служащие моментально сменили военные шинели и френчи на коверкотовые пальто и шевиотовые костюмы, а их жены и любовницы оделись в меха и обули лаковые туфли. Пришла эпоха «красных балов», во время которых работники советских ведомств и учреждений стали открыто щеголять ювелирными украшениями. Слушатели военных академий разучивали танго, а студенты элитных вузов упражнялись в фокстроте. Подобное было совершенно невозможно ещё два-три года тому назад, за лаковую обувь и фокстрот можно было лишиться партийного или комсомольского билета, ибо сие расценивалось как очевидный признак «мелкобуржуазного перерождения», но... теперь всё стало иначе. Партия разрешила демонстрировать радость жизни – вот и демонстрируйте!

Разумеется, радоваться жизни мог лишь тот, чьё финансовое положение делало это возможным. Для рядовых советских граждан дефицит продуктов питания и промышленных товаров не исчез ни в 1935, ни в 1936, ни в последующие годы. Просто это явление перешло в разряд запретных. О нём не писали в газетах, не говорили по радио, о дефиците и очередях не упоминали в кинофильмах тех лет. Тотальный дефицит стал зоной умолчания – простые люди о нём знали, они в нём жили, они от него страдали, но признавать существование этого явления было категорически недопустимо, ибо такое признание грозило обвинением в анти-советской пропаганде.

Коммунисты, разумеется, в меру своего невеликого ума боролись с дефицитом. Например, было запрещено вешать в витринах магазинов объявления об отсутствии товара в продаже – продавцы должны были стоять за пустыми прилавками и устно сообщать посетителям, что товаров нет и не будет. Другим замечательным большевистским ноу-хау явилось штрафование за создание очереди. Поскольку многотысячные очереди у дверей магазинов в крупных городах невозможно было скрыть от иностранных дипломатов, было решено рассевать народ угрозой штрафов. Штраф составлял 100 рублей – очень большая сумма для второй половины 1930-х гг. Мера оказалась эффективна – центральные улицы Москвы, Ленинграда, Киева, Новосибирска и других крупных городов, в которых располагались иностранные дипмиссии, удалось очистить от несчастных обывателей, готовых в любую погоду ночевать под открытым небом в надежде попасть в магазин в момент открытия. Разумеется, покупатели никуда не исчезли, просто им пришлось мигрировать на окраины. Еще одной выдающейся по изобретательности большевистской мерой борьбы с дефицитом явилось преследование «недобросовестных» работников советской торговли. Созданная весной 1937 г. в составе Рабоче-Крестьянской милиции служба по борьбе с хищениями социалистической собственности (БХСС) деятельно боролась с нарушениями правил торговли. Работы на этом поприще был непочатый край, и борьбу эту можно было вести бесконечно, поскольку злоупотребления в торговле генерировались не злобными врагами советской власти, а неизлечимыми пороками этой самой власти – хроническим дефицитом самых необходимых вещей и продуктов,

недостатками планирования и игнорированием тысячелетних законов рынка. Тем не менее бесконечная суeta сотрудников БХСС до известной степени отвлекала внимание народных масс, приветствовавших любые репрессии против ненавистных «работников прилавка». Первые крупные разоблачения дельцов советской торговли имели место еще в довоенное время, например, в 1940 г. в одной только Москве были расстреляны 8 директоров крупных магазинов. Большое количество директоров и рядовых продавцов отправлялось на нары. В силу понятных причин об этом не было принято писать в газетах и сообщать по радио, но информация о судах над работниками торговли умышленно распространялась максимально широко, в том числе через агентуру НКВД, дабы создавать нужное власти настроение в обществе. Дескать, процесс идет, порядка становится все больше, еще чуть-чуть и станет совсем хорошо... хотя хорошо работать советская торговля так и не стала вплоть до бесславного конца СССР.

Законы экономики обмануть нельзя, и никакими запретами и штрафами дефицит в Советском Союзе изжить оказалось невозможно. Хотя Сталин запретил возврат к карточной системе распределения, ему пришлось смириться с тем, что она всё равно возродилась явочным, так сказать, порядком. Как из известной русской пословицы: ты её в дверь, она – в окно. В 1938 г. вновь начались перебои с поставками широкой номенклатуры товаров массового спроса. Причиной тому явились серьёзные просчеты при планировании третьей пятилетки, совершенно ненормальный перекоc в финансировании тяжелой индустрии, создание стратегических запасов, обездвиживших колоссальные материальные и финансовые ресурсы, скачок и без того больших расходов на военные нужды. Страна, едва вздохнувшая после безумной экономической политики первой половины 1930-х гг., вползла в новый рукотворный сталинский кризис.

Поскольку советские сельское хозяйство и торговля показали свою полную неспособность обеспечить население продуктами питания, власть мудро разрешила народу заняться самоспасением. На предприятиях стали создаваться ОРСы – отделы рабочего снабжения, многопрофильные подсобные хозяйства, снабжавшие столовые необходимыми продуктами сельского хозяйства. Во всех более-менее крупных учреждениях и на заводах появились ведомственные магазины, в которых могли отовариваться работники. Разумеется, торговля в них не была свободной, а осуществлялась по специальным талонам, которые распространялись, как правило, через профсоюзную организацию. Поскольку талонов было гораздо меньше, чем нуждающихся, существовала очередь на их получение. Талоны явились суррогатным заменителем карточек. На внутреннее распределение по талонам перешли практически все заводы и учреждения страны, даже академики Академии Наук СССР для покупки мебели или обуви записывались в очередь на соответствующие талоны и ждали по несколько месяцев. Ещё одной паллиативной мерой борьбы с дефицитом явилась раздача горожанам земли под огороды. Мало кто знает, что массовое «огородническое движение» началось в Советском Союзе ещё в довоенные годы, в начале третьей пятилетки. К 1940 г. землю под индивидуальные огороды получили более 1 млн. жителей крупных городов. В условиях тотального дефицита самых необходимых продуктов питания несколько мешков картошки и бочонок квашеной капусты реально могли помочь рядовой советской семье пережить очередную голодную зиму.

Это было по-настоящему страшно! Советская власть боролась со своим народом самозабвенно и безостановочно, делала это с выдумкой, изобретательно и дотошно. Общее правило советской системы снабжения можно сформулировать так: чем дальше от столицы находится населенный пункт, тем меньше он получает материальных фондов, тем хуже снабжается его торговая сеть. Народ фактически был брошен на произвол жестокой судьбы, как тот утопающий, спасение которого становится делом его собственных рук.

Впрочем, в этом ретроспективном обзоре мы зашли чуть дальше, чем следовало. Дмитрий Дмитриев, новый начальник Управления НКВД по Свердловской области приехал на Урал в разгар второй пятилетки, и до третьей ему еще предстояло дожить, что оказалось, как увидим,

совсем непросто. Как уже было отмечено, ко времени его появления в Свердловске верхушка местной парторганизации представляла собой самую настоящую мафию, спаянную круговой порукой, прежними прегрешениями и чувством вседозволенности. Цинизм большевистских управленцев доходил до такой степени, что перевод денег упомянутому выше Лечкому осуществлялся со счета Уралхиммашстроя даже после консервации стройки по причине нехватки финансирования! Нормой поведения в этом узком кругу стали дорогостоящие подарки как самим «ответственным работникам», так и членам их семей – в порядке вещей были подношения в виде мехов и кожаной одежды, ювелирных украшений, дарились даже автомобили – неслыханная роскошь для того времени! Приближенные к Кабакову ответственные работники допускали и явно уголовные преступления, известны случаи самоуправства, рукоприкладства, хулиганства, изнасилований и тому подобные выходы.

Понятно, что шила в мешке не утаить, так что Кабакову и его ставленникам пришлось отбивать многочисленные попытки навести порядок, предпринимавшиеся рядовыми коммунистами, всерьез поверившим демагогической доктрине о всеобщем равенстве и братстве. В низовых парторганизациях периодически пытались критиковать барство и личную нескромность отдельных номенклатурных работников, разумеется, невысокого уровня, поскольку любая критика в адрес обкомовских деятелей была чревата моментальным заключением в тюрьму. Но кабаковская «мафия» самым деятельным образом защищала от критики даже низовых партийных руководителей. Только за два года – в 1935 г. и 1936 г. – из Свердловской областной парторганизации с явными нарушениями устава партии были изгнаны более 900 человек. Как любили повторять коммунисты: «Кто не с нами, тот против нас», – так вот в данном случае работал именно этот принцип!

Одной из основных задач, которые пришлось решать Дмитриеву в Свердловске, являлось разрушение костяка кабаковских выдвиненцев. Хотя руками НКВД Сталин вовсе не боролся за социальную справедливость, а лишь устранял из партийного и государственного аппарата неудобные ему кланы, тем не менее объективно это был процесс необходимый и полезный для общества. Дмитрий Матвеевич деятельно взялся за расчистку доставшихся ему авгиевых конюшен и довольно быстро собрал необходимую «фактуру», то есть документальные свидетельства политических колебаний, финансовых злоупотреблений и прямых уголовных преступлений Кабакова и его присных.

Первым серьезным, хотя и неявным, ударом по Кабакову явился арест «Кошелек», кабаковского выдвиненца Василия Федоровича Головина. 11 января 1937 г. пленум исполкома снял его с должности за «политические ошибки». Не прошло и двух недель, как 23 января его взяли под арест. Дело было раскручено стремительно, никто в Свердловске, по-видимому, не предполагал способность Дмитриева к таким «стахановским» темпам. Когда Кабаков в феврале попытался было принять меры в защиту своего протеже, оказалось, что действовать уже поздно. Василий Головин к тому моменту признал виновность во всех инкриминируемых прегрешениях и наговорил столько, что ни о каком освобождении не могло быть и речи. В последней декаде марта 1937 г. Головин был осужден и уже 24 числа расстрелян. За 5 дней до этого 19 марта покончил с собой Николай Узюков, один из близких к Головину и Кабакову номенклатурных работников, освобожденный от должности заведующего отделом агитации и пропаганды на основании показаний, данных Головиным во время следствия.

С этого момента падение Ивана Кабакова стало лишь вопросом времени, причем ближайших недель. Не совсем ясно, понимал ли это сам Кабаков. В конце второй декады мая он спокойно отправился в Москву, не зная о том, что 17 мая Политбюро ЦК приняло лаконичное и безапелляционное постановление, гласившее: «На основании имеющихся материалов, в которых член ЦК ВКП (б) Кабаков обвиняется в принадлежности к контрреволюционному центру правых, исключить Кабакова из состава ЦК ВКП (б) и из партии с передачей его дела в Наркомвнудел». В то самое время, когда Кабаков ехал в Москву, в обратном направлении

по той же самой железной дороге катился салон-вагон с членом Политбюро Андреем Андреевым, который направлялся в Свердловск для проведения пленума обкома партии. Пленуму предстояло формально разоблачить «клику Кабакова» и «политически очиститься». 22 мая Кабаков узнал, что его арестуют. Есть легенда, согласно которой он сумел позвонить в Свердловск и сообщить об аресте второму секретарю обкома Константину Федоровичу Пшеницыну, но в возможность такого звонка поверить сложно. Кабаков был взят под стражу в Кремле, и группа задержания просто физически не позволила бы ему добраться до телефона. Скорее всего, звонок Пшеницыну был сделан кем-то из работников ЦК.

Узнав об аресте шефа, Константин Пшеницын в первый день работы пленума бодро выступил с разоблачительной речью, а около шести часов утра 23 мая, находясь в своей квартире, пустил пулю в висок. Так сказать, избавил себя от путешествия в чекистский застенки.

Далее последовала зачистка верхнего этажа местной номенклатуры. В течение летних месяцев лишились должностей (как по причине ареста, так и без ареста, а также в связи с исключением из партии) 10 из 10 заведующих отделами и секторами обкома партии (один застрелился). Из 6 заместителей завсекторами, предусмотренных штатом обкома, должностей лишились все 6. Из 10 первых секретарей горкомов заменены 10, из 10 вторых секретарей горкомов – также все. Сняты секретари 77 из 81 райкома партии (в том числе райкомов, входивших в состав городских комитетов), имевшихся на территории области, и 1 застрелился (судьба 3 неизвестна). Согласно штатному расписанию обкома партии 221 должность относилась к номенклатуре ЦК ВКП (б), так вот из числа занимавших эти должности коммунистов на своих местах к концу декабря остались лишь 12 человек. Другими словами, с мая по декабрь – за 7 месяцев – принудительной ротации подверглись 95% высшего партийного эшелона области.

Не были забыты и те «кабаковцы», кто в силу каких-то причин успел покинуть регион до начала зачистки. Например, секретарь обкома комсомола Кузьма Ковалев несколькими месяцами ранее был передвинут в секретари Азово-Черноморского крайкома ВЛКСМ, но отъезд из региона ему не помог. Кузьма Иванович попал в самый первый арестный список, был взят под стражу в Ростове-на-Дону 2 июня 1937 г. и расстрелян через шесть с половиной месяцев.

В течение лета и осени 1937 г. Управление НКВД по Свердловской области расследовало так называемый «офицерский заговор», который, по версии Дмитриева, коммунисты-«кабаковцы» организовали вместе с бывшими белогвардейскими офицерами и агентами всевозможных иностранных разведок. В самой идее заговора, который якобы стал созревать еще в 1925 г., когда никаких «кабаковцев» не было на Урале в принципе, есть нечто параноидальное. Согласно сообщениям Дмитриева в Москву, которые докладывались в том числе и Сталину, участниками повстанческой организации являлись покончивший с собою Пшеницын и директор многих уральских заводов, якобы завербованные немецкой разведкой. Из чтения этих сообщений складывается впечатление, будто немецкая разведка хозяйничала в свердловском регионе, как в собственном кармане. Впрочем, по версии Дмитриева, в заговоре участвовали и разведки других стран, прежде всего Японии. Заговорщики планировали устроить военный путч, для чего учредили 7 повстанческих округов, запасались оружием и взрывчатыми веществами. Кроме того, они планировали развязать химическую и бактериологическую войну на Урале, для чего намеревались использовать возбудителей сапа, чумы и холеры. Более того, они даже приступили к реализации планов, организовав в Ишимском районе вспышку септической ангины. Септическая ангина как средство борьбы с советской властью воистину поражает изобретательностью...

В фантазиях Дмитриева не обошлось, кстати, и без белофиннов. Оказывается, заговорщики вынашивали планы посредством военного путча отделить часть Свердловской области от СССР и войти в состав Финляндии. И финская разведка будто бы даже передавала

заговорщикам деньги для реализации этих планов. Несмотря на абсолютную фантазмагоричность самой концепции заговора, объединившего якобы в своих рядах непримиримых врагов, в Кремле восприняли информацию чрезвычайно серьезно. Дмитриев получил карт-бланш на дальнейшее расследование, жертвой которого в конечном счете стали более 300 расстрелянных бывших офицеров, священнослужителей и коммунистов.

Николай Иванович Ежов, нарком внутренних дел СССР, остался под сильным впечатлением от успехов Дмитриева на ниве корчевания контрреволюции. Нарком неоднократно ставил работу свердловских чекистов в пример подчиненным на всевозможных совещаниях и заседаниях. Широкую известность получила фраза Ежова, оброненная во время полемики на одном из партийных пленумов: «У Реденса и Дмитриева стопроцентная раскрываемость!» Такая оценка из уст всесильного сталинского опричника значила больше любого ордена...

Репрессии, однако, на разгроме «кабаковцев» и раскрытии «военного заговора» не остановились. 2 июля появилось решение Политбюро ЦК ВКП (б) №П51/4 «Об антисоветских элементах», положившее начало тому явлению, что ныне принято называть «Большим террором». Согласно требованию этого руководящего документа в течение 5 суток во всех регионах страны должны были быть подготовлены списки «троек» – внесудебных органов, пользующихся правом вынесения приговоров, в том числе и смертных, по упрощенной процедуре, – и предложения по количеству репрессированных. Это был подготовительный этап, без которого массовые репрессии были бы просто невозможны из-за неспособности судов выносить потребное число приговоров. Известный приказ НКВД №00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов», непосредственно запустивший репрессии, появился 30 июля 1937 г.

Реализация этого приказа, на которую отводилось 4 месяца, вошла в историю под условным названием «кулацкая операция», хотя в ходе нее преследованиям подвергались не только бывшие кулаки, к тому времени давно раскулаченные, но и священники всех конфессий, представители административно-чиновничьего аппарата царской России (так называемые «бывшие люди»), участники внутрипартийной оппозиции разных лет, лица, имевшие судимости по уголовным и политическим обвинениям. На каждый регион в Кремле утверждалась квота по репрессиям, которая называлась «лимитом». Первоначально в Свердловской области в рамках «кулацкой операции» предполагалось репрессировать 10 тысяч человек, из них 4 тысячи надлежало расстрелять, а 6 тысяч – отправить в места лишения свободы. Однако новый первый секретарь Свердловского обкома Абрам Яковлевич Столяр добился от Москвы увеличения утвержденного «лимита». Его увеличили на 50%, но даже этот увеличенный план Дмитриев-Плоткин выполнил досрочно. Уже 11 сентября он рапортовал наркому Ежову об успешном окончании «кулацкой операции», в ходе которой по решению «тройки» областное управление расстреляло 7 500 человек, а еще 7 500 осуждены на различные сроки и отправлены в ГУЛАГ.

Однако на этом «кулацкая операция» не закончилась. 31 января 1938 г. Политбюро приняло решение продолжить её в 22 регионах, в том числе и Свердловской области. Первоначальный «лимит» предусматривал казнь 2 тысяч человек, а по числу осужденных к лишению свободы «лимит» не назначался. К 1 апреля 1938 г. «лимит» был выбран. Новый первый секретарь обкома партии Константин Валухин, утвержденный в должности 27 апреля, уже в первых числах мая ходатайствовал в Политбюро о разрешении продолжить «кулацкую операцию». 5 мая Политбюро приняло решение выделить области еще один «лимит» на расстрелы, на этот раз в 1 500 человек.

По абсолютному числу репрессированных в рамках «кулацкой операции» Свердловская область занимает второе место среди регионов бывшего РСФСР, уступая только Московской области.

Однако массовый террор, развязанный коммунистической партией против собственного народа, отнюдь не исчерпывался «кулацкой операцией». Ее логичным продолжением явились так называемые «национальные операции», во время которых объектами репрессий стали представители наций и народностей, ненадежных, с точки зрения кремлевских стратегов и палачей с Лубянки (поляки, немцы, латыши, эстонцы, персы, греки, китайцы, корейцы, румыны, болгары, македонцы). По аналогии с «кулацкой» была организована и так называемая «харбинская операция», жертвами которой стали переселенцы из полосы отчуждения Китайско-Восточной железной дороги в Маньчжурии, вернувшиеся в СССР после продажи дороги Японии в начале 1935 г. «Национальные операции» не ограничивались «лимитами».

На территории Свердловской области наиболее массовыми по числу репрессированных оказались «польская» и «немецкая» операции. Подчиненные Дмитриева-Плоткина с середины августа по ноябрь 1937 г. расстреляли 3 794 поляка и еще 2 194 отправили в ГУЛАГ. По абсолютному числу репрессированных поляков Свердловская область заняла третье место среди регионов РСФСР, пропустив вперед только Новосибирскую и Ленинградскую области. Интересен следующий нюанс: заместитель наркома внутренних дел Фриновский, настроенный в отношении Дмитриева негативно, затеял проверку национальности арестованных в рамках «польской операции» лиц. Оказалось, что этнических поляков среди них насчитывается всего-то 390 человек! Данное обстоятельство Фриновский попытался использовать для дискредитации руководителя Свердловского управления НКВД, однако его одернул нарком Ежов, распорядившийся не мешать Дмитриеву. В результате пострадали почти 6 тысяч человек, в своей подавляющей массе ни в чем не повинные.

Тот самый «сталинский Ареопаг», каждый член которого несёт персональную ответственность за чудовищную волну террора, точнее, целый ряд последовательных волн, что захлестывали Советский Союз в 1930-е гг. Слева направо: Ежов, Молотов, Каганович, Жданов, Сталин, Ворошилов, Калинин, Андреев, Микоян. Странно слышать оправдания современных демагогов, доказывающих, будто во время «Большого террора» расстреляли «всего-то» 600 тыс. человек, что в масштабах огромной страны, вроде бы как и немного... Террор не исчерпывался репрессиями одного только 1937 г. Бессовестное раскулачивание – это тоже террор в отношении невинных, людоедский «закон о трёх колосках» – это тоже разновидность террора, замаскированного под уголовное наказание, высылки «лишенцев» из крупных городов без суда и следствия – это тоже террор! Сейчас об этом стараются не вспоминать, но помнить о системе централизованного коммунистического террора необходимо. И знать его творцов в лицо и по фамилиям – тоже.

«Немецкая» операция тоже обернулась для жителей Свердловска и области большой кровью. За время её проведения были расстреляны 1 467 человек и ещё 2 912 отправлены в места лишения свободы. По числу её жертв Свердловская область стала безусловным лидером среди российских регионов, значительно опередив даже Республику Немцев Поволжья, где число этнических немцев было наибольшим на всем пространстве Советского Союза (там были репрессированы 1 002 человека, из них расстреляны 567).

Дмитрий Матвеевич Дмитриев настолько хорошо справлялся со своими обязанностями, что 19 декабря 1937 г. был удостоен ордена Ленина с формулировкой в Указе Верховного Совета СССР «за образцовое и самоотверженное выполнение важнейших правительственных заданий».

Сменивший Ивана Кабакова на посту первого секретаря обкома ВКП (б) Абрам Столяр, по-видимому, сильно недооценил начальника областного Управления НКВД. Во всяком случае, менее чем через год с момента заступления в должность, Абрам Яковлевич полностью повторил путь своего предшественника. Началось всё с ареста в марте 1938 г. его протеже Дмитрия Самарина, председателя Свердловского Облпотребсоюза. Ещё с начала 1920-х гг. Самарин подвизался на ниве организации работы рабоче-крестьянских потребительских обществ в Нижнем Новгороде, являлся членом биржевого комитета Нижегородской товарной биржи, близко сошелся со Столяром и в дальнейшем шёл с ним по жизни рука об руку. В начале 1938 г. он привлек внимание Дмитриева организацией воровских и разного рода мошеннических схем с материальными и финансовыми ресурсами потребительского союза. После ареста, буквально на первом же допросе, Дмитрий Иванович поспешил заявить о желании сотрудничать со следствием и вывалил такой объем компрометирующей Столяра информации, что Дмитриеву осталось только отправить сообщение в Москву о разоблачении очередного «шпионско-вредительского гнезда». Судя по всему, новый секретарь обкома действительно хапал без меры и крайне неосторожно, так что Самарин вряд ли оговаривал невиновного. 28 марта Дмитриев отправил на Лубянку телеграмму, в которой поименно назвал основных участников преступной группы, в числе которых были действующий председатель Свердловского облисполкома, сестра Столяра, её муж, а также ряд партработников, выдвинутых секретарем обкома. Вместе с телеграммой в Москву полетел протокол допроса Дмитрия Самарина. Ежов, ознакомившись с присланными материалами, 30 марта доложил о них Сталину.

И уже 31 марта товарищ Абрам Яковлевич Столяр решением Политбюро был освобожден от должности первого секретаря обкома партии. Арестовали его в тот же день. Столяр в одночасье превратился из «товарища секретаря» в «гражданина подследственного», его отправили в Москву для проведения следствия на Лубянке, и далее он полностью повторил путь Кабакова к крематорию Донского монастыря. Практически всех, связанных со Столяром, репрессировали. Единственным человеком, которому удалось избежать расправы, оказался упомянутый выше зять секретаря обкома Максим Семенович Лозовский. Замечательного организатора социалистической потребкооперации первоначально приговорили к высшей мере наказания, но впоследствии приговор был отменен, а в январе 1940 г. дело вообще прекратили. Но подобный благоприятный для подозреваемого исход следует признать все же не нормой того времени, а исключением из правил.

Кстати, не надо удивляться тому, что после ареста главы семьи репрессиям подвергались все его родственники – жены, братья, сестры, дети, родители. Комиссар госбезопасности Дмитриев добросовестно отправлял вслед за партийными руководителями в камеры смертников их родных и близких.

Сейчас сторонники Сталина любят вспоминать великодушные слова «отца народов», что, мол-де, сын за отца не в ответе, мимоходом оброненные на всесоюзном совещании комбайнеров-стахановцев в 1935 г. Из этой фразы делаются далеко идущие выводы о миролюбии

и добродушии «кремлевского горца», который якобы вовсе не ратовал за чрезмерную жестокость к врагам. Дескать, оговорили либеральные историки мудрейшего Вождя, свалили на него грехи кровожадных опричников. Сталинисты в этом вопросе демонстрируют присущую им дихотомию и не желают признавать способность коммунистических демагогов говорить и мыслить взаимоисключающими тезисами. Тот же самый Сталин, пафосно изрекший: «Сын за отца не в ответе», – всего через два года заявил совершенно иное. Прочитируем краткий фрагмент тоста, провозглашенного Сталиным на приеме по случаю 20-летия Великой Октябрьской революции, записанный дословно Георгием Димитровым в дневнике 7 ноября 1937 г.: «И мы будем уничтожать каждого такого врага, был бы он и старым большевиком, мы будем уничтожать весь его род, его семью. Каждого, кто своими действиями и мыслями – да, и мыслями! – покушается на единство социалистического государства, беспощадно будем уничтожать. За уничтожение всех врагов до конца, их самих, их рода!» Если бы подобной логикой пещерного неандертальца руководствовался российский самодержец, то семья Ульяновых сгинула бы в полном составе где-нибудь в Нарымском крае или в казематах Шлиссельбурга еще в 1887 г., после неудачной попытки покушения старшего из братьев... Так что, коли уж сам товарищ Сталин сказал, что врагов и их род надо уничтожать до конца, то какие же в этом вопросе могут быть сентенции и колебания начальников региональных управлений НКВД?!

Снятие Столяра было обставлено как настоящая тайная операция. Оглашение совершенно секретного постановления Политбюро «О Столяре» было синхронизировано с появлением в городе мало кому известного инструктора отдела руководящих партийных органов ЦК ВКП (б) Ивана Медведева. Он и был назначен исполняющим обязанности первого секретаря обкома, причем членам бюро обкома сразу же было дано понять, что Иван Михайлович – временная фигура. Ему предстояло перехватить власть до появления у высшего государственного руководства единого мнения о новом постоянном руководителе региона. Это состояние неопределенности продлилось ровно 4 недели.

Уже 27 апреля 1938 г. первым секретарем Свердловского обкома ВКП (б) был назначен, точнее, рекомендован Политбюро и после этого избран Пленумом обкома, совершенно новый на Урале человек. Константин Николаевич Валухин попал в Свердловск из Омска, где он возглавлял Управление НКВД по Омской области. Он имел большой чекистский опыт, ещё с начала 1920-х гг. работал в системе особых отделов, участвовал в борьбе с басмачеством в Средней Азии и с националистическим движением на Северном Кавказе, входил в так называемую «северокавказскую» группу чекистов. Идейным руководителем этой группы был крупный чекист и партийный деятель Ефим Евдокимов, весьма авторитетный и даже популярный в 1930-х гг. Достаточно сказать, что это был единственный из чекистов, награжденный четырьмя орденами Боевого Красного Знамени. К этой же группе примыкал и Михаил Фриновский, первый заместитель наркома внутренних дел Ежова.

Как упоминалось выше, в начале 1938 г. Дмитриев-Плоткин вступил в конфликт с Фриновским, и это до известной степени объясняет произошедшее после появления в Свердловске Валухина. Последний, будучи прекрасно осведомлён об истинной роли Дмитриева в репрессиях местной партноменклатуры и его огромных оперативных возможностях, с самого своего появления продемонстрировал нерасположение к начальнику местного УНКВД. Скорее всего, Валухин выполнял негласное пожелание Евдокимова и Фриновского, намеревавшихся скомпрометировать Дмитриева, по их мнению пользовавшегося непомерно большим уважением наркома. Ежов, узнав о трениях между Дмитриевым и новым секретарём обкома, предложил первому перевод в Москву (что, кстати, выглядит совершенно логично, поскольку между руководителем правоохранительных органов и административной властью региона должен существовать полный консенсус; если такового нет, то руководителя правоохранительными органами надо из региона убирать безоговорочно). Собственно, это было вполне ожидаемое перемещение, которое давно было обещано Дмитриеву. Дмитрий Матвеевич, вне всякого

сомнения, хотел возвратиться из провинции в столицу. В Наркомате внутренних дел как раз образовалась прекрасная вакансия – должность начальника Главного управления шоссейных дорог. Прежний начальник ГУШОСДОРа старший майор госбезопасности Михаил Волков-Вайнер ушел на повышение в Наркомат водного транспорта на должность заместителя наркома. Предложенный Дмитриеву пост по своему статусу был гораздо выше начальника регионального управления. Таким образом Дмитрий Матвеевич не просто возвращался в Москву, а возвращался с повышением по службе.

Он быстро сдал дела в Свердловске новому главе областного управления Михаилу Викторову, приехавшему на Урал из Белоруссии, и уже 22 мая был в Москве. Казалось, всё для комиссара госбезопасности третьего ранга складывалось наилучшим образом. Но беда подкралась, откуда Дмитриев её не ждал.

Викторов сразу же после отъезда из Свердловска своего предшественника принялся «поднимать» его старые дела, проверяя законность и обоснованность принимавшихся решений. Разумеется, этим он занимался не от скуки, а выполняя поручение Фриновского, жаждавшего поквитаться с Дмитриевым. Найти компромат проблем не составляло, но доклад Виктора, подготовленный в середине июня 1938 г., не вызвал интереса Ежова. Нарком не желал слушать негативных отзывов о руководителе, которого считал одним из самых компетентных в своем ведомстве. Тогда последовал ход конём – через связи Евдокимова, бывшего членом ЦК партии и вплоть до мая занимавшего весьма важный в партийной иерархии пост первого секретаря Ростовского обкома, информация Виктора была доведена до сведения Молотова и Сталина. Особый упор в компромате делался на обвинении Дмитриева в «склонности к еврейской солидарности», что выражалось в стремлении комиссара третьего ранга всемерно выдвигать своих единоплеменников на все более-менее значимые посты и должности. Обвинение, кстати, вряд ли справедливое, поскольку при необходимости Дмитриев с одинаковым педантизмом и равнодушием отправлял в пыточный застеночек людей любой национальности. Примеры расправ над командами «русского Кабакова» и «еврея Столяра» говорят сами за себя. Дмитриев являлся вовсе не замаскированным еврейским националистом, а самым настоящим коммунистом-интернационалистом и был готов репрессировать любого, в чью сторону повернется указующий перст Партии. А то, что он выдвигал на значимые должности людей лично ему преданных, так это, извините, краеугольный камень кадровой политики любого более-менее серьезного администратора. Ну а кого, скажите на милость, выдвигать – людей не преданных и не лояльных, что ли? Сталин, однако, был очень чувствителен к любым подозрениям в национализме, так что обвинения попали на весьма подготовленную почву. Кроме этого, Дмитриева было за что привлекать к ответственности, следует объективно признать, что в Свердловске натворил он дел немало.

Тем не менее не совсем ясно, что же именно побудило Сталина расправиться с Дмитриевым, несмотря на явное покровительство последнему со стороны наркома внутренних дел.

Нельзя исключить того, что Дмитрий Матвеевич на свою беду оказался той фигурой, пожертвовать которой было необходимо Ежову для демонстрации лояльности Вождю. К этому времени в отношении Сталина к Ежову уже наметилось явное охлаждение, в начале июня 1938 г. Иосиф Виссарионович даже поинтересовался у наркома внутренних дел, доверяет ли тот собственной жене, Евгении Соломоновне Хаютиной-Ежовой? Разговор этот поверг безжалостного наркома в настоящую панику, он предположил, что у Сталина появились сомнения в его политической надежности. Волнение Ежова оказалось столь сильным, что он даже обсудил с супругой возможность развода. Правда, затем он от этой мысли отказался, но разговор со Сталиным, разумеется, забыть не мог. Поэтому когда в конце июня зашел разговор о ситуации в Свердловской области и обвинениях в адрес Дмитриева, защищать его Ежов не стал. Утром 26 июня он вызвал начальника ГУШОСДОРа к себе для доклада, а когда Дмитриев явился, в приемной его встретила группа задержания.

Зная, как работают мастера заплечных дел с Лубянки, Дмитрий Матвеевич сразу стал сотрудничать со следствием и дал все показания, которые от него ожидали. Сознался в шпионской и террористической деятельности; надеясь максимально оттянуть час расплаты, согласился стать внутрикамерным осведомителем. Его подсаживали в камеры к самым важным для НКВД арестантам, дабы эрудированный и разговорчивый Дмитриев побуждал сокамерников «разоружиться» и прекратить заперательство.

Свою стратегию выживания Дмитрий Матвеевич, по-видимому, строил на том, что в какой-то момент его сотрудничество будет оценено должным образом и он получит шанс если не на полное оправдание, то хотя бы на смягчение приговора. План был отнюдь не плох, из ставших ныне известными документов видно, что активной провокаторской деятельностью многие осужденные на смертную казнь не раз отводили от себя смерть. Яркий тому пример – судьба Михаила Ивановича Баранова, начальника Санитарного управления РККА в период с октября 1928 по август 1937 г. После ареста и скоротечного следствия его пять раз включали в расстрельные списки, утверждавшиеся членами Политбюро, но Баранов оставался жив, поскольку оказался весьма результативным внутрикамерным осведомителем (лишь после того, как его в пятый раз приговорили в марте 1938 г. к высшей мере наказания, Баранов был, наконец-таки, расстрелян). Дмитриев, занимая пост начальника УНКВД по Свердловской области, лично дважды сохранял жизнь приговоренному к расстрелу ценному агенту Ельковичу, редактору областной газеты «Колхозный путь», выдавшему более 140 человек. Несмотря на двукратное осуждение на смертную казнь, Дмитриев спасал Ельковичу жизнь и даже распорядился выплачивать ценному агенту деньги, дабы тот мог покупать вещи и продукты питания на воле. По иронии судьбы Елькович пережил своего благодетеля Дмитриева, дождался замены высшей меры наказания тюремным заключением и в конечном счете дожил до реабилитации.

Несмотря на готовность к всемерному сотрудничеству, интерес следователей к Дмитрию Матвеевичу довольно скоро пропал, и уже 7 марта 1939 г. Дмитриев предстал перед Военной коллегией Верховного суда СССР, чей приговор к высшей мере наказания был очевиден и неизбежен. В тот же день Дмитриев был расстрелян.

Чтобы придать этой невеселой картинке законченность, добавим, что в скором времени отправились в руки лубянских «кольщиков» и разоблачители Дмитрия Дмитриева. 9 ноября 1938 г. – менее чем через 5 месяцев – дверь каземата захлопнулась за Ефимом Георгиевичем Евдокимовым, а 30 декабря был снят с должности первый секретарь Свердловского обкома партии Константин Николаевич Валухин. Арестовали его чуть позже, в мае 1939 г. Новый начальник Управления НКВД по Свердловской области Михаил Викторов, так хорошо подсутившийся со сбором компромата на Дмитриева, тоже не успел состариться на рабочем месте, его арестовали в здании обкома партии 22 января 1939 г. В отличие от Евдокимова и Валухина их ставленник Викторов избежал расстрела, его приговорили к 15 годам лагерей, где он и умер в июле 1950 г.

Хотя в июле 1938 г. Дмитрий Матвеевич уже находился в тюремной камере, газеты уральского региона продолжали публиковать заметки, в которых сообщалось, что в Москве работает его общественная приемная, в которой он как депутата Верховного Совета 1-го созыва принимает своих избирателей. Так что жители Свердловска могли при острой необходимости приехать в Москву и попытаться встретиться со своим избранником... Такой вот казус!

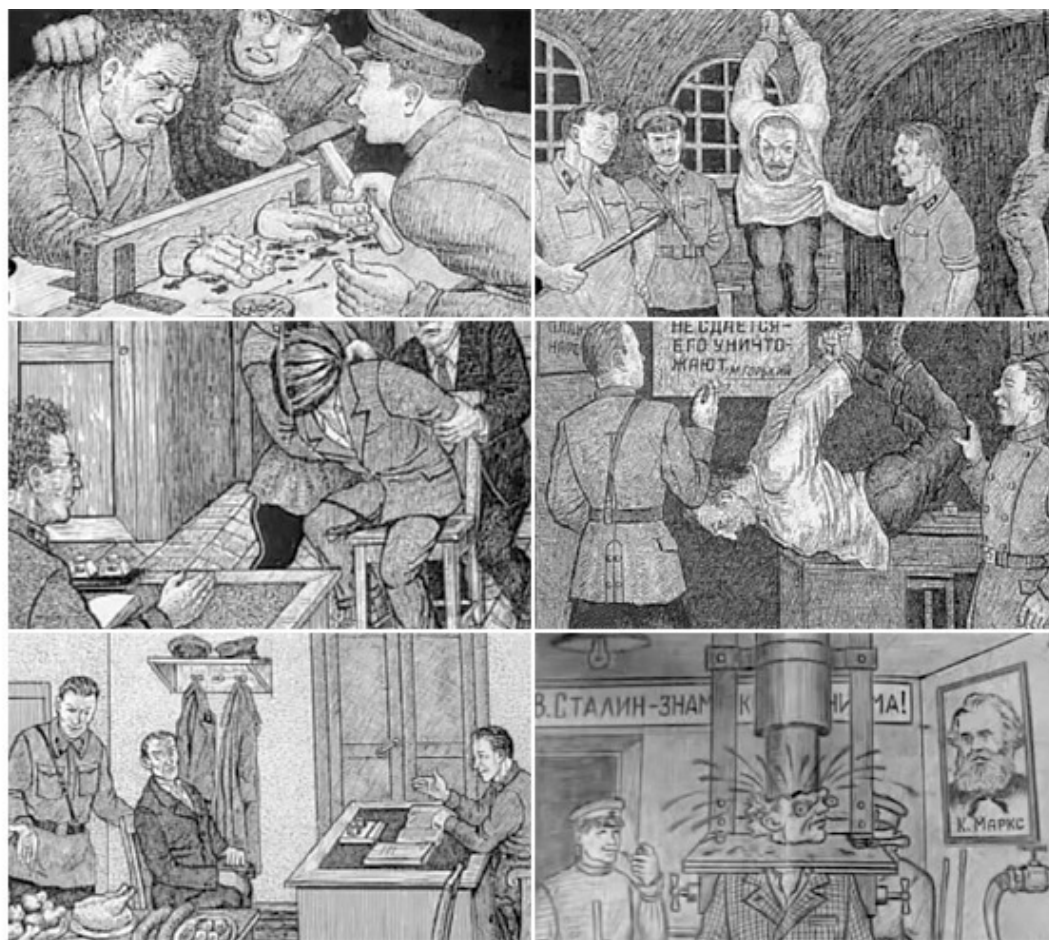
Отдел уголовного розыска (ОУР) входил в состав Управления Рабоче-Крестьянской милиции (УРКМ), которое в свою очередь входило в состав Управления НКВД по Свердловской области. Поэтому полное наименование этого подразделения, учитывая иррациональную тягу коммунистических руководителей ко всякого рода аббревиатурам, выглядело на редкость зубодробительно и непроизносимо: ОУР УРКМ УНКВД по Свердловской области. Госбезопасность и милиция действовали максимально автономно – эти службы имели разные служебные помещения, недоступные для чужих сотрудников, разные архивы, подразделения

материально-технического обеспечения; подследственные госбезопасности и милиции содержались в различных тюрьмах, сотрудники этих управлений проживали в различных общежитиях и обучались в различных школах. Даже продуктовые распределители и колхозы, поставлявшие в них продукты, были различными. Руководителем областного Управления НКВД всегда назначался сотрудник госбезопасности и начальник УРКМ являлся его заместителем, точнее, одним из заместителей (не первым!). Милиция до известной степени была нелюбимой падчерицей Управления НКВД, что не отменяет, однако, факта широкой вовлеченности милиционеров в репрессивную политику во времена «Большого террора». Сотрудники милиции привлекались к проведению массовых казней, более того, известны даже случаи, когда с целью скорейшего сокрытия следов массовых расправ в помощь сотрудникам госбезопасности и милиции привлекали пожарных.

Речь, впрочем, сейчас идет не о массовых казнях и не о «Большом терроре». Данные темы, безусловно, чрезвычайно интересны сами по себе, но в формате настоящей книги это всего лишь исторический фон. Для правильного понимания последующих перипетий сюжета гораздо важнее разобраться в том, как работала следственная «кухня» советского НКВД, и почему совершенно адекватные и разумные люди, попав в руки мастеров допросных дел, вдруг начинали оговаривать как самих себя, так и своих друзей, причем зачастую это делали не только на допросах, но и в залах судов и трибуналов.

Первое и самое очевидное, что приходит на ум в этой связи – подобного рода оговоры вырывали из уст невинных жесточайшими побоями. Отчасти эта догадка верна. Политбюро ЦК ВКП (б) в 1937 г. официально допустило – хотя и негласно – применение мер физического воздействия к арестованным.

Причём пытку не следует понимать как brutальное избиение; лишение сна, пищи, содержание узника в неотапливаемой камере способны причинять страдания ничуть не меньшие, чем побои. Товарищ Дмитриев, разумеется, знал все тонкости своего непростого и специфического ремесла, вникал во все детали оперативной, следственной и кадровой работы. Ответственного отношения к делу требовал и от подчиненных.

Фрагменты нескольких зарисовок Д. С. Балдаева, посвященных допросам и пыткам в органах охраны правопорядка сталинской поры. Ветеран советского МВД, полковник милиции Данциг Балдаев начинал свою карьеру в органах внутренних дел в 1948 г. в Ленинграде. Сначала он был пожарным, затем – тюремным контролёром, после окончания школы милиции попал в уголовный розыск. Балдаеву довелось общаться с теми самыми офицерами ленинградской комендатуры МГБ, что были причастны к репрессиям 1930-х гг. (Август Беккер, Георгий Жёмов и др.). Потрясенный их рассказами о методах ведения следствия, пыток и казней, Балдаев принялся рисовать миниатюры, каждая из которых основывалась на каком-то реальном эпизоде. Уже после распада Советского Союза более 300 зарисовок Балдаева были изданы как в России, так и за рубежом. Автор настоятельно рекомендует ознакомиться как с самими рисунками Данцига Сергеевича, так и его пояснениями к ним – более выразительную характеристику той эпохи сложно представить...

Насколько можно судить по известным ныне материалам, Дмитриев предпочитал действовать по заветам товарища Дзержинского, то есть в большей степени запугиванием и угрозами, нежели откровенным мордобоем. Нет, в Свердловске в конце 1930-х гг. тоже, разумеется, били на допросах – тогда наркомвнудельцы били по всей стране – но далеко не в тех масштабах, как это было принято в других управлениях. В «Большом доме» Управления НКВД по Ленинграду, например, арестантов избивали прямо в кабинетах. Хорошо известен случай, когда начальник управления Леонид Заковский (он же Генрих Штубис), войдя в кабинет, в котором разговаривали два сотрудника управления, без долгих предисловий ударил одного из них кулаком в ухо и со словами «вот так надо допрашивать!» вышел вон. Комизм ситуации заключался в том, что в кабинете в тот момент арестованного не было вообще и от рукоприкладства начальника пострадал действующий сотрудник. Это вовсе не исторический анекдот

и не шутка, петербургский историк отечественных спецслужб Василий Бережков, рассказывая об этом инциденте, подчёркивал, что лично беседовал со свидетелем этой дикой во всех смыслах сцены.

Для Дмитриева-Плоткина такого рода выходки были немыслимы. Дмитрий Матвеевич руководствовался принципом: «Работать головой, а не кулаками», – сам не бил, да и другим сотрудникам не рекомендовал. О пыточной практике, заведенной тогда в стенах управления, известно из первых уст – из коллективного письма, переданного осенью 1938 г. арестованными сотрудниками НКВД в Москву. Если арестанта требовалось подвергнуть пытке, его приводили в заблаговременно оборудованное для этого помещение. В кабинетах надземной части здания избияния не разрешались. Избивали резиновыми шлангами, что здоровью не угрожало, но субъективно воспринималось как очень болезненная процедура. Лишь одного из пяти упомянутых в письме сотрудников избивали 6 раз, остальные прошли через эту процедуру единожды. Одного из арестантов поместили в камеру смертников и устроили имитацию расстрела. Всех лишали сна и устраивали допросы, растягивавшиеся на десятки часов. Все арестованные сотрудники госбезопасности содержались в холодных сырых камерах. Вот, в общем-то, и весь набор методов воздействия. Конечно, перечисленное совсем негуманно, но никаких поджогов волос на голове, закладываний пальцев в створки дверей, забивания гвоздей в пальцы и кисти рук, ничего похожего на тушение папирос о лицо, что можно в избытке встречать в описаниях пыток, принятых в то же самое время в других управлениях НКВД и даже в Москве, на Лубянке, мы в Свердловске не видим.

Дмитриев учил, что основная работа с арестантом должна проводиться отнюдь не в пыточной камере. Побои выполняли роль сугубо прикладную – с их помощью следователь давал понять арестанту, что прав у того нет ни малейших и с ним можно сделать все, что угодно – надзорный прокурор не вмешается, а адвокаты согласно принятому большевиками Уголовно-процессуальному кодексу на этапе дознания и следствия вообще не допускались к обвиняемому. Иными словами, у бедолаги, попавшего в чекистский застенок, правовой защиты не существовало в принципе, и избияние выражало его полное бесправие в наиболее доходчивой и конкретной форме. Тем не менее унижение арестанта являлось не самоцелью следствия, а лишь инструментом; задача же заключалась в том, чтобы обвиняемый оговорил сам себя и своих товарищей, сделал это максимально убедительно и придерживался оговора на всем протяжении своего пребывания в изоляторе. Так сказать, топил сам себя не за страх, а за совесть.

В этом деле допросным мастерам помогала внутрикамерная агентура – величайшее, пожалуй, изобретение советской ЧК и её восприемников в лице ГПУ-ОГПУ-НКВД. Ни в одной стране мира не наблюдалось такого широчайшего вовлечения сокамерников-провокаторов в следственный процесс. Точная статистика на этот счет неизвестна, но трудно отделаться от ощущения, что внутрикамерное осведомление позволило раскрыть больше преступлений, реальных и вымышленных, чем работа всех вместе взятых оперативных подразделений.

На практике работа внутрикамерных стукачей выглядела примерно так. В камеру с объектом «разработки» помещался под видом соседа-арестанта агент НКВД. Этот человек являлся либо настоящим арестантом, либо уже осужденным, но оставленным тюремной оперчастью в тюрьме именно с целью его последующего использования в агентурной работе. Иногда таких агентов могло быть в одной камере несколько и они проводили заблаговременно согласованную линию поведения в отношении «разрабатываемого». Кто-то изображал из себя злобного упыря, другой – честного и справедливого, третий – был юридически подкован и давал ценные советы. Если один, к примеру, пытался отнять вещи арестованного, то другие его защищали. Разыгрывались настоящие мини-спектакли, в ходе которых «разрабатываемого» могли «подставить», то есть свалить на него вину за какой-то умышленно подстроенный проступок, а потом милостиво «простить». Заготовок разной степени достоверности и изощренности

существовало огромное количество. Каждый из подсадных агентов отыгрывал свою роль таким образом, чтобы в процессе вынужденного общения один из них втерся в доверие к ничего не подозревавшему объекту «разработки», после чего на правах старшего и более опытного товарища принимался давать ему советы.

Советы, кстати, не всегда были вредными, скорее напротив, большинство из них были вполне здравы – как вести себя с сокамерниками, как добиваться встречи с родными, как правильно построить общение с тюремным врачом и т. п. Пребывание в следственном изоляторе – это целая наука, и там есть масса нюансов, о которых рядовой обыватель даже не догадывается. Но после того, как устанавливалась нужная степень доверия и взаимопонимания – обычно на это уходило не более двух-трех дней – агент-provocator приступал к своей основной миссии. Доходчиво, со ссылками на свой собственный опыт и опыт товарищей он доказывал «разрабатываемому», что дела его – швах! – у «следаков» доказательного материала очень много, коли его, бедолагу, маринуют в изоляторе, а потому тупое запирательство не поможет. Дескать, защиту свою надо строить тоньше, а то и до суда не доживешь. Главное – дожить до суда, а во время процесса заявишь о незаконных способах ведения следствия, дело отправят на дорасследование и – вуаля! – новый следователь во всём разберется. И даже если будет обвинительный приговор, то ничего страшного в этом нет, надо будет написать апелляцию, а её рассмотрение растянется на год минимум. Опять-таки, будет новый следователь, и он-то точно внимательно изучит все материалы дела, коли ты невиновен, так ничего тебе не грозит. Не надо бояться расстрела, в Советском Союзе так просто не расстреливают!

Хорошенько избитый к тому времени подследственный слушал эти рассказы, разинув рот. Полностью дезориентированный, запуганный, шокированный тяжестью обвинений, несчастный арестант воспринимал советы внутрикамерного агента как изреченную истину в последней инстанции. И когда provocator ему советовал придумать достоверный рассказ, такой, чтобы следователь поверил, то объект «разработки» действительно начинал такой рассказ сочинять.

Бытует представление, согласно которому в сталинское время существовали две специализации следователей – одни назывались «кольщиками», потому что «кололи» арестантов во время интенсивных допросов посредством пыток и унижений, а другие – «писатели», поскольку, владея хорошим литературным языком и имея живое воображение, могли придумывать правдоподобные сюжеты выдуманных преступлений. Это деление на «кольщиков» и «писателей» очень сильно смахивает на домыслы литераторов, весьма далеких от реальной следственной кухни советского НКВД. В региональных управлениях (краевых, областных, автономных республик) никаких следователей-«писателей» не существовало. Просто потому, что следственные подразделения в этих управлениях не справлялись с загрузкой и следствие вели оперативные сотрудники.

Ужас террора 1930-х гг. заключается в том, что люди, попавшие в лапы НКВД, не просто становились жертвами некоей абстрактной неведомой и неуправляемой силы, а целенаправленно оговаривали себя сами. Они выдумывали правдоподобные обвинения, и если эти выдумки не устраивали следователя, то они изобретали другие, более правдоподобные, и так продолжалось до тех пор, пока следователь не приходил к выводу, что придумано достаточно. Этот психологический аспект массового террора, в отличие от экономического или политического, пока еще не изучен должным образом историками и психологами.

Пусть только читатель вдумается на секунду в чудовищность сценария: перед разумными, адекватными, весьма неглупыми людьми ставилась задача: «Оговори себя так, чтобы я поверил», – и эти люди истово, со всей готовностью и фантазией принимались выдумывать повстанческие организации, диверсионные ячейки, теракты на транспорте и промышленных объектах, планы биологической войны... Вся эта фантазмагорическая ересь заносилась в протоколы, и обвиняемые подписывались под каждой страницей... Такое поведение жертвы

кажется абсурдным. Но именно так технология самооговоров и последующих убийств и работала.

Итак, резюмируем сказанное (вряд ли современному читателю так легко это понять): арестанты наговаривали на себя сами просто в силу того, что их умело ломали на первых допросах, а внутрикамерная агентура развивала первоначальный успех следователя. Описанная технология прекрасно решала стоявшие перед следственным аппаратом задачи! Если кто-то всерьез думает, что с ним такая проделка не удалась бы, то... не надо зарекаться от сумы и от тюрьмы!

Чтобы дать читателю наглядное представление о том, как работала описанная выше технология, можно привести замечательный пример, сославшись на следствие по делу Михаила Андреевича Павлова, начальника Пермского отделения железной дороги имени Лазаря Кагановича. Подопечные Дмитрия Дмитриева арестовали его в начале 1938 г. (Пермь тогда входила в состав Свердловской области), и Павлов очень скоро оговорил самого себя и некоторых из своих товарищей, кстати, без всяких побоев и пыток! Но случилось чудо – после ареста Дмитриева в конце июня 1938 г. в Москве следователь, работавший с Павловым, сам отправился под суд. Дело Павлова было пересмотрено и в конечном счете расстрельный приговор оказался отменён. Приведем всего две цитаты, в которых одно и то же следствие описано с разных точек зрения – следователя и обвиняемого. Они настолько красноречивы, что комментировать их попросту незачем.

Итак, показания следователя после ареста: «Для того чтобы Павлов дал показания, мы поместили его в камеру №13... к Корчагину и Тихонову, которые Павлова быстро обработали. При приходе на допрос Павлов советовался со мной, как начинать давать показания, что, собственно говоря, нужно писать, и просил моей помощи. В процессе ведения следствия... я уговорил Павлова дать дополнительные показания. На что Павлов согласился, сказав: «Раз следствию нужно, я не возражаю»... Я вызвал Павлова и предложил ему дать нужные Габову показания и чтобы он подтвердил свои показания на очной ставке с Суетиным. Павлов согласился, сказав: «Раз сказал «а», нужно сказать «б»»».

Теперь рассказ о том же самом обвиняемом: «Корчагин и Тихонов мне доказывали, что у меня другого пути нет, как только давать показания, хотя и выдуманные, указав вербовщика и якобы завербованных мною лиц (...). Кроме того, Тихонов, учившийся в школе красной профессуры, политически развитый, доказывал, что сейчас существует особая политика по борьбе с действительными врагами народа и что наши показания в деле борьбы с действительными врагами будут играть решающее значение, а нас направят куда-нибудь на работу, а действительных врагов будут уничтожать.»²

Кстати, внутрикамерная агентура очень часто использовалась для физического воздействия на особо несговорчивого «разрабатываемого». Тогда избиения и разнообразные издевательства могли продолжаться часами без всяких попыток контролёров изолятора остановить бесчинства сокамерников. Так что самим следователям вовсе не было нужды лично марать руки и тратить силы на истязания арестантов – с этим прекрасно могли справиться – не за страх, а за совесть! – казематные сидельцы. Во всех следственных изоляторах Советского Союза с ведома местных органов внутренних дел существовали особые «пресс-хаты», в которых доводились до крайнего изнурения даже самые упорные и непримиримые подследственные. Система «пресс-хат» надолго пережила времена «Большого террора» и в почти неизменном виде просуществовала вплоть до распада Советского Союза. (Кстати, одна из основных целей реформы системы ИТК в послесоветское время заключалась именно в том, чтобы выве-

---

² Обе приведенные цитаты взяты из книги «Сталинизм в советской провинции: 1937—1938 гг. Массовая операция на основе приказа №00447». Сборник статей. М.: Российская политическая энциклопедия; Германский исторический институт в Москве, 2009 г., стр.192—193. Автор считает необходимым пояснить, что указанная книга представляет собой обширный труд объёмом более 900 страниц, насыщенный уникальными архивными материалами и статистикой, который надлежит внимательно изучить любому, желающему разобраться в истинных природе и формах сталинских репрессий.

сти следственные изоляторы и места лишения свободы из подчинения МВД и КГБ и передать их Министерству юстиции, дабы исключить беззакония следственных работников, творимые руками внутрикамерной агентуры.)

Николай Иванович Ежов, Наркомвнудел СССР, выдвинул Дмитриева на руководящую работу. Он же его и задвинул. Прямо в расстрельный каземат Лефортовской тюрьмы.

В описываемое нами время – то есть второй половине 1930-х гг. – Управление Рабоче-Крестьянской милиции (УРКМ) входило в состав Управления НКВД по Свердловской области и его сотрудники в своей работе использовали те же самые оперативные приемы и методы ведения следствия, что и их коллеги из Управления государственной безопасности (УГБ). Комиссар госбезопасности третьего ранга Дмитриев умел организовать работу своих подчиненных, независимо от того, чем они занимались – контрразведкой, борьбой с хищениями собственности или же уголовным розыском – все они работали по единым правилам и равно эффективно. Ведь не зря же красный нарком Ежов, карающий меч Партии, ставил свердловское управление в пример прочим и любил повторять: «У Дмитриева стопроцентная раскрываемость!»

Глава III. Раз, два, три, четыре, пять! Иду тебя искать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.